

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

КРИОЖОГ

Лоис Макмастер Буджолд
Криоожог
Серия «Вселенная Майлза
Форкосигана», книга 17

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5981827

Криоожог : [фантаст. роман] / Лоис Макмастер Буджолд: АСТ;

Москва; 2012

ISBN 978-5-17-065579-3, 978-5-271-39300-6

Аннотация

Сагу о Майлзе Форкосигане, переведенную на десятки языков и снискавшую сотни восторженных критических отзывов и любовь миллионов читателей, чаще всего именуют просто – Вселенная Буджолд. Вселенная могущественных супердержав – и долгих, жестких войн... Вселенная тонких политических игр и изощренных дипломатических интриг. Но прежде всего – Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и ГЕРОЯ. Новые приключения Майлза Форкосигана, Лорда-Аудитора Империи, начинаются. Он прибывает на планету Кибо-Даини, дабы узнать, не несут ли последние политические события в этом мире угрозы безопасности Империи. Сначала его пытаются подкупить, потом

– похитить. <p id="__GoBack">Чудом избежав гибели, Майлз начинает расследование того, что НА САМОМ ДЕЛЕ происходит на Кибо-Даини...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	35
Глава третья	60
Глава четвертая	89
Глава пятая	116
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Лоис Буджолд

Криоожог

Lois McMaster Bujold

CRYOBURN

A Miles Vorkosigan Novel

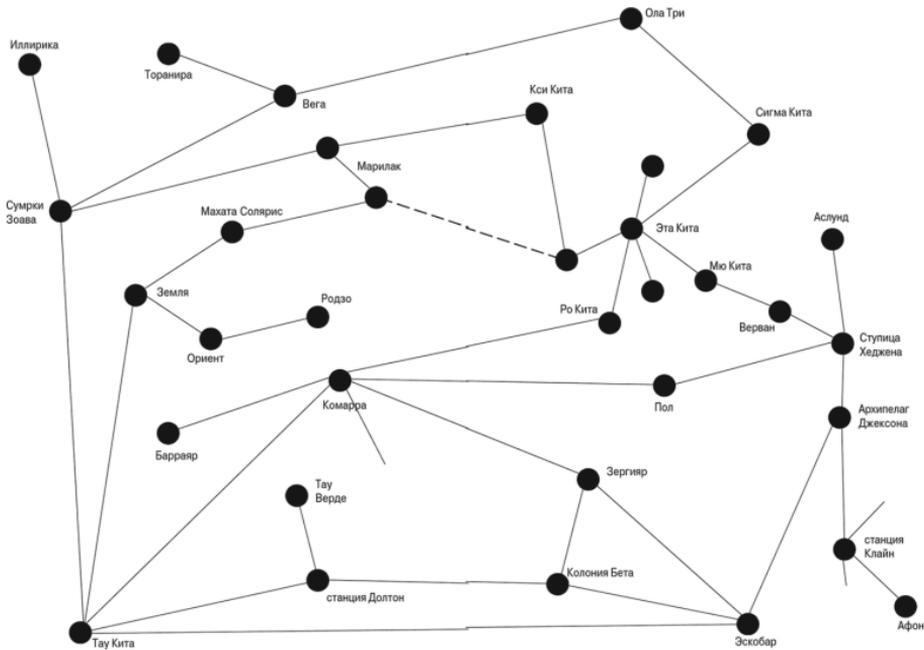
© Lois McMaster Bujold, 2010

© Перевод. С. Лобанов, 2011

Школа перевода В. Баканова, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Отовсюду сыпались ангелы.

Майлз зажмурился, надеясь, что золотистые молнии, мельтешащие перед глазами, превратятся в обыкновенные вспышки на сетчатке. Однако те упрямо оставались фигурками – напуганные лица, вопящие рты. Крики то затухали, то слышались вновь, словно эхо отдаленного фейерверка, мчущееся где-то между холмами.

Ну, приехали! Ко всему прочему, начались еще и слуховые галлюцинации...

А это значит, что блуждания в дурмане становятся опаснее. Раз пригрезилась всякая чушь, можно не заметить того, что существует в действительности. Лестничный пролет, например. Дыру в полу. Балконные перила. Ну нет, перила-то обязательно упрутся в грудь. Да и вообще, в такой темноте все равно ничего не видно. Собственных рук и то не видно – там они, где-то впереди, нащупывают дорогу. Сердце безумно колошматилось, отдаваясь в ушах клеточным волнам, таких же далеких, как фейерверк. Открытый пересохший рот жадно хватал воздух. Надо бы притормозить... Сердитым взглядом Майлз попытался осадить скачущих ангелов. Уж если сияют так ярко, могли бы осветить здесь вокруг, поработать фонариками, что ли. Так ведь нет, никакой тебе помощи.

Он споткнулся, треснувшись рукой обо что-то гулко пу-

стое. Ну вот, теперь кажется, что стена сдвинулась. Трясаясь от холода, обхватил себя руками. «Я просто замерз, вот и все». А вот это уже от лукавого, на самом деле Майлз обливался потом.

Он вновь нерешительно вытянул руку и на ощупь двинулся по коридору, держась за стену. Теперь Майлз двигался медленнее, а пальцы легко касались рукоятей и выступов нижнего края криогенных камер – целых рядов камер, установленных высоко над головой. И за люками камер – замороженные тела. Безмолвные, застывшие в безумной надежде. Сотня тел на каждые тридцать шагов. Тысячи за каждым поворотом. Сотни тысяч в бесконечном лабиринте. Нет, миллионы.

Это уже не галлюцинация, а просто кошмар.

Криосоты – так назывались эти туннели. Поговаривали, что коридоры с замороженными тянутся на многие километры по городским подземельям. Аккуратные корпуса свежестроенных «мавзолеев» на западной окраине города, получившие название «Криополь», по своей масштабности не шли ни в какое сравнение с более старыми постройками, рассыпанными вокруг города и под ним. Некоторым из них было по полтора ста, а каким и по двести лет; одни еще работали, другие были остановлены и заброшены. А может, заброшены, но не остановлены?

В голове шумело, и ангелы продолжали орать. Майлз изо всех сил вслушивался, не донесется ли откуда путеводный

гул морозильной установки. Иначе то был бы всем кошмарам кошмар – в каждом из отсеков под панелями не замороженная надежда, а теплая гниющая смерть.

Бежать? Глупо...

Словно снегом мело ангелами. Майлз усилием воли собрал остатки сознания и заставил себя не отвлекаться на них. Хотя мелькнула мысль пересчитать их чехарду весьма точным, с точки зрения статистики, методом случайной выборки. Майлз уже проводил приблизительные прикидки, когда только прилетел на Кибо-Даини. Когда же это было? Пять дней назад. А кажется, так давно. Если тела замороженных складировались в этих коридорах с одинаковой плотностью – скажем, в среднем сотня на десять метров, это будет десять тысяч на каждый километр. А сотня километров разместит миллион замороженных мертвецов. Итого: что-то между полутора и двумя сотнями километров с криоустановками, которыми напичканы подземные туннели города.

«Меня никогда не найдут».

Исцарапанные руки саднило. Разорванные на коленях брюки намокли. От крови? За спиной остались лазы и трубопроводы. Наверное, целые километры, которые он прополз на коленях. Еще были обычные хозяйственные туннели, освещенные потолочной люминесценцией и не забитые до отказа вековой нежитью. Утомленные ноги заплетались, и Майлз застыл... да нет, пожалуй, просто остановился, чтобы удержать равновесие. Чертовски не хватало трости – та ушла

в неведомом направлении во время потасовки. Когда же все произошло? Несколько часов назад? Трость бы ему сейчас ох как помогла, ею можно простучивать пол перед ногами, как делали слепые на Древней Земле или в Период Изоляции на Барраяре. Образ зияющих разломов под ногами никак не давал покоя.

Жертве не сильно досталось от своих незадачливых похитителей. Чтобы показать заложникам, кто теперь хозяин, бестолково организованные налетчики полагались не на кулаки, а на пневмошприц с транквилизатором. К несчастью, именно на это успокоительное аллергия Майлза среагировала бурно и незамедлительно. Судя по симптомам, он получил дозу того самого аллергена. Вот только налетчики не ожидали, что вместо сонного тьюфяка займут яростно отбивающегося и вопящего во всю глотку коротышку. А значит, похитители далеко не все о нем знали. И эта мысль не могла не вызывать воодушевления.

Да и вообще, ни черта они не знали.

«Ну все, гады! Теперь вы – в первых строках черного списка Имперского лорда Аудитора Майлза Форкосигана!»

Вот только как вас записать, под каким именем?

Он провел лишь пять дней на этой захолустной планете, и что же? Совершенно незнакомые люди пытаются его убить. Хотя чего тут удивляться? А когда было по-другому? Это даже не рекорд. Жаль, неизвестно, кто эти «похитители». Жаль, что он не на территории империи Барраяра, где жут-

кий титул Имперского Аудитора имеет вес.

«Когда же заткнутся эти чертовы ангелы?!»

– Мой сон пусть ангелы лелеют. – Оригинальная получилась аранжировка, с речитативным бормотанием. – Зачем все ближе барабанов бой?

Ангелы упирались, явно не желая сплетаться в шар над головой и освещать путь к выходу. А ведь он надеялся, что подсознательно запоминает дорогу, пока блуждает в полузабытьи по туннелям; надеялся, что проснувшийся разум что-нибудь да выдумает. Как бы не так! Тогда вперед. Сначала левой, потом правой. Разве не так взрослые люди решают проблемы? Должен же он когда-нибудь повзрослеть.

«Интересно, а не хожу ли я кругами?»

Рука соскользнула со стены в пустоту пересекающего путь коридора. Он вел к вспомогательным техническим помещениям – там нечего делать. И тут же еще один коридор. Майлз пожалел, что так часто сворачивал в боковые коридоры – отчасти именно поэтому так безнадежно заблудился. Надо идти только прямо или, если упруешься в тупик, сворачивать направо и идти сколько можно – так он сформулировал план действий на ближайшее будущее.

Наконец пальцы нашарили что-то не похожее на панель криокамеры. Майлз замер. Из собственного печального опыта он знал: стоит лишь на мгновение свернуть с пути, ориентация тут же теряется. Осторожно, чтобы не развернуться, обшарил стену вокруг. Да это дверь! Только бы не опять в

какую-нибудь подсобку. Только бы она не оказалась запертой, как обычно.

Не заперто!

Майлз собрался и потянул за ручку. Заскрипели ржавые петли. Чертова дверь весила никак не меньше тонны, но ведь подалась! Он осторожно ступил в проем и поводил ногой. Ступня не ушла в пустоту. Если ощущения не врут, это пол. Подпереть дверь было нечем. Оставалось лишь надеяться, что она отыщется: а вдруг новый коридор закончится тупиком? Он осторожно встал на четвереньки, чтобы было легче двигаться на ощупь.

Нет, это не подсобка. Здесь лестница, пожарная лестница! Похоже, он стоит на площадке перед дверью. Саднящая кожа руки коснулась шероховатой прохладной подножки. Ступени справа вели наверх, слева – вниз. Куда идти? Однозначно путь наверх должен закончиться скорее. Может, то, что подземелья здесь бездонны, и заблуждение, только очень уж это заблуждение пугало. До планетарной магмы, во всяком случае, лабиринт не доведет – замороженные «потекут» от жара.

Поручни на лестнице болтались не сильно, тем не менее Майлз все равно карабкался на четвереньках, похлопывая по каждой следующей ступени, проверяя, все ли с ней в порядке, прежде чем наступить. Площадка, поворот, снова вверх, преодолевая боль. И снова площадка и разворот. Хотя дверь так же оказалась открытой, он продолжил путь по лестнице.

Нет уж, никому не заставить его вернуться к сонмищу трупов, только если путь вверх закончится. Он попробовал было считать лестничные пролеты, но сбился через несколько поворотов. Майлз вдруг услышал собственное хныканье – в одном ритме с завыванием ангелов. Заставил себя заткнуться. О боже, что это там такое? Какое-то светло-серое мерцание над головой. Настоящий свет или опять галлюцинация?

Майлз понял, что свет настоящий, когда бледными тенями проступили руки, белесые и призрачные рукава рубашки. Что ж, во всяком случае, руки на месте. И то хорошо.

Окно! В двери следующей площадки – окно! Двух ладоней шириной, зато настоящее окно. Майлз посмотрел наружу, вытягивая шею, и заморгал – серый сумрак взметнулся ярче пламени. Отвыкшие от света глаза наполнились слезами. Только бы оказалось не заперто, только бы не заперто...

Он поддал плечом и выдохнул с облегчением, когда дверь сдвинулась. Скрипу от нее было значительно меньше, чем от той, что внизу. «Может, это крыша? Ты бы поосторожнее». И снова пополз на четвереньках, на сей раз наконец-то на свежий воздух.

Нет, это не крыша. Широкий переулок, уровень городской улицы. Придерживаясь одной рукой за грубо оштукатуренную стену, Майлз поднялся на ноги. Щурясь, он вглядывался в мутно-серые тучи, влажный туман и сгущающиеся сумерки. Все вокруг прямо-таки искрилось светом.

Напротив двухэтажного здания, которое он только что по-

кинул, стояло другое, значительно выше. С видимой стороны не было ни входов, ни окон на первом этаже. Темные проемы выше отливали холодным серебром рассеянного света. Стекла не были разбиты, однако смотрели печально и неуютно, словно глаза брошенной женщины. Не исключено, что здесь промзона – ни домов, ни магазинов поблизости не видно. Ни освещения, ни охраны. Что же здесь такое? Склады? Зброшенное производство? Ледяной ветер гнал и мял какой-то пластиковый обрывок по растрескавшемуся тротуару – яркий кусок мусора, более реальный, настоящий, чем все вопящие ангелы этого мира. Или его воображения. Какая разница?

Он находился на территории Нортбриджа, столицы местной префектуры. Город еще назывался Китахиси – похоже, у всех городов на этой планете было по два имени. Наверняка, чтобы запутать туристов. Определенно, это Нортбридж. Чтобы очутиться в другом городе, ему пришлось бы одолеть под землей больше сотни километров по прямой. И если с первой частью все было логично (судя по тому, как гудели ноги, Майлз отмахал не меньше сотни километров), то «по прямой» никак не вписывалось в пройденный маршрут. Забавно, ведь на самом деле он мог находиться где-то совсем неподалеку от центра города, точки начала движения. Да нет, это все же маловероятно.

То ли чтобы не упасть, то ли по уже выработавшейся жуткой привычке, Майлз оперся на грубо оштукатуренную по-

верхность стены и, повернув (направо!), поплелся к пересечению коридо... Нет, к перекрестку улиц. Тротуар леденил ступни. Похитители сразу же разули его, и теперь носки превратились в ошметки ткани. Он стер и ноги. Правда, ступни сейчас не чувствовали ничего, даже боли.

Ладонь скользнула по блеклой надписи на стене: «Сожги мертвецов!». После того как прервалась «официальная» часть визита, Майлз видел этот призыв не единожды: раз – в подземном переходе неподалеку от космопорта, бригада уборщиков как раз смывала надпись. Чаше лозунг попался на глаза в технических ответвлениях подземных туннелей, там-то уж точно туристов не ждут. На Барраяре принято совершать возжигание в честь умерших. Майлз сомневался, что местные разделяют барраярский обычай. Загадочная фраза немедленно заинтересовала его. Имперский Аудитор как раз собирался приступить к расследованию, как все пошло наперекосяк. Когда же все это случилось? Вчера? Сегодня утром?

Свернув в другой неосвещенный... то ли переулок, то ли подъездной путь, ограниченный по противоположной стороне выдавшей виды сеткой-рабицей, Майлз остановился в нерешительности. Из сгущавшегося сумрака под проливным дождем из ангелов на него плечом к плечу надвигались две фигуры. Майлз поморгал, чтобы разглядеть их как следует, и тут же пожалел.

Та, что справа, была чешуйчатой бусинной ящерицей с

Тау Кита, ростом не ниже (хотя, можно сказать, и не выше) самого Майлза. Пестрая шкура, покрытая бисером чешуек, переливалась темно-красным, желтым, черным и слоновой костью словно ошейником вокруг горла и дальше, по брюху. Вместо того чтобы двигаться положенными ей жабьими прыжками, рептилия перемещалась на задних конечностях, что многое объясняло. Настоящая ящерица с Тау Кита не отрывая лап от земли достала бы Майлзу до пояса. Так что это не была слишком уж большим представителем своего вида. К тому же она помахивала какими-то мешками в руках. Ящерицы так себя не ведут.

А вот второй... То было порождение собственной фантазии Майлза, кошмарный жирный гигантский масляный жук. Ростом метр восемьдесят, с бледным брюхом, в котором что-то перекачивалось, он смахивал скорее на чудовищного таракана. Голова подпрыгивала из-под древесного цвета крыльевых пластин, но тварь вышагивала на ножках-палочках, а в передних клешнях также болтались тряпичные мешки. Средняя пара конечностей то появлялась, то растворялась, словно сознание Майлза никак не могло решить, какого размера омерзительное насекомое.

Парочка приблизилась, замедляя поступь и пялясь на Майлза. Тот крепче вцепился в стену и осторожно начал контакт:

– Э-э... Приветствую вас!

Тараканище повернул хитиновую голову, продолжая

столь же осторожно изучать Майлза.

– Не вздумай подходить, Джин, – посоветовал он своему спутнику-коротышке. – Кто его знает, откуда он. Наверно, укурок. Вишь, зенки какие?

Жвала и усищи шевелились, а голос был как у ворчливого старикашки.

Майлзу очень хотелось объяснить им, что он действительно одурманен, но вовсе не наркоман. Однако сил пояснить разницу уже не было. Чтобы не перенапрячься, он попытался улыбнуться. Галлюцинации испуганно отшатнулись.

– Послушайте, – раздраженно начал Майлз, – не может быть, чтоб я напугал вас больше, чем вы меня. Может, пока потерпите мой вид?

Должно быть, он забрел в кошмарную сказку с говорящим зверьем – одну из тех, что сам читал и перечитывал Саше и маленькой хулиганке Элен. Только вот в тех сказках зверье было попушистее. Жаль, что растерзанные «химией» нейроны головного мозга не изобразили ему больших пушистых котят.

Выбрав самый строгий дипломатический тон, Майлз изложил суть проблемы.

– Прошу прощения, господа, но я, похоже, заблудился.

«А еще, похоже, где-то заблудились мой бумажник, комм и половина одежды. А еще я потерял телохранителя и способность трезво мыслить». А еще – он пошарил рукой по шее – потерялось его Аудиторское гербовое кольцо-печатка

вместе с цепочкой. Конечно, коммуникационные и многочисленные другие возможности встроенного в печатку чипа абсолютно бесполезны на этой планете, но Роик, телохранитель, смог бы обнаружить его по сигналу. Если, конечно, Роик еще жив. Когда Майлз видел его в последний раз, тот маячил над испуганно мечущейся толпой.

Майлз неосторожно наступил на осколок камня и убрал ногу. Если глаз различает камень, стекло и обрывки пластика на тротуаре, почему он не видит разницы между людьми и гигантскими насекомыми?

– В прошлый раз мне, помнится, мерещились здоровенные сверчки, – сказал он тараканищу. – Масляный жук, по моему, гораздо лучше. Ничей другой мозг на этой планете, кроме, пожалуй, Роика, не родил бы масляного жука. Так что я точно знаю, откуда вы взялись. Судя по тутошной моде, будь вы порождением разума аборигенов, носили бы шакальи головы. Или ястребиные. Человек с головой ястреба в белом лабораторном халате.

Майлз понял, что сказал все это вслух, только когда парочка отступила еще на шаг назад. Да чего ж они так боятся? Может, его глаза лучатся небесным светом? Или, наоборот, сверкают адским пламенем?

– Отойди от него, Джин. – Тараканище продолжал тянуть ящерицу за лапу, прочь от Майлза. – Не разговаривай с ним, отходи медленно.

– Ему надо помочь.

Другой голос был совсем юным, непонятно только – мальчишечьим или девчачьим.

– Да, конечно, мне надо помочь! Из-за всех этих ангелов перед глазами я земли под ногами не вижу. Еще и обувь потерял. На нас напали...

– Пойдем, Джин! – не унимался масляный жук. – Надо успеть отдать секретарю мешки с находками до темноты, иначе нам достанется.

Майлз задумался, есть ли в этой реплике какой-нибудь смысл, но решил, что даже будь его мозг не в одурманенном состоянии, он бы не понял, о чем речь.

– А куда вам надо? – спросила ящерица с детским голосом. Тараканище тянул, но та упиралась.

– Я... – «...понятия не имею», – подумал Майлз. Назад ходу не было, пока наркотик не дает трезво мыслить. К тому же он не знает, кто враги и с кем придется сражаться. Вернуться на конференцию по криогенной инженерии, даже если считать, что она продолжилась после всей шумихи, значит попасть прямо к ним в руки. Конечно, надо бы домой. До вчерашнего дня домой хотелось больше всего. Но потом... произошло столько всего интересного. С другой стороны, если бы кому-то приспичило его убить, у них уже была масса возможностей. Значит, все не так и плохо... – Я понятия не имею, – признался Майлз.

Старикашка-таракашка прошамкал с отвращением:

– Тогда нам будет трудно подсказать вам, как туда пройти,

согласны? Джин, мы уходим!

Майлз облизнул пересохшие губы. Языка он не почувствовал. «Не бросайте меня!» – безмолвно прокричал он. А потом тихо попросил:

– Я очень хочу пить. Не могли бы вы хотя бы сказать, где здесь можно попить?

Сколько же он пробыл в подземелье? На мочевого пузырь в качестве часов полагаться нельзя – он ведь вполне мог отлить где-нибудь в углу, двигаясь запутанным маршрутом. Судя по жажде, он провел внизу от десяти до двадцати часов. Лучше бы двадцать, подумал Майлз, тогда наркотик скоро выветрится.

Ящерица по имени Джин предложила, подумав:

– Я принесу вам попить.

– Ни в коем случае, Джин!

Ящерица выдернула лапку из тараканьей клешни.

– Не указывай мне, что делать, Йани! Ты мне не папа с мамой! – На последних словах ее голос задрожал.

– Да пойдем же! Смотритель сейчас запрет ворота, ждут одних лишь нас!

Неохотно, оглядываясь через ярко расцвеченное плечо, ящерица поплелась следом в сгущающуюся тьму улицы.

В изнеможении и отчаянии Майлз осел на землю, привалившись спиной к стене здания. Попробовал глотать ртом влажный вечерний туман, но от жажды это не помогло. Холод от стены и тротуара пробирал до костей, легкая одежон-

ка совсем не грела. На нем и были-то всего рубашка да серые штаны. В карманах пусто, ремень тоже забрали. А ночью станет еще холоднее. Фонарей на улице не было, небо над городом тлело абрикосовым свечением – все лучше, чем непроглядная тьма под землей. Зато там теплее. «Интересно, – подумал Майлз, – долго ли я здесь выдержу, прежде чем холод загонит меня вниз?» Долго. Черт, очень долго. А холод он ненавидит.

И потянулось время. Майлз дрожал, прислушиваясь к отдаленному городскому гулу и приглушенным крикам в собственной голове. Похоже, ангельская напасть снова начала таять и превращаться в мельтешащие стрелы перед глазами. Ну и слава богу.

«Не надо было садиться».

Напряженные мышцы ног сводило судорогой. Вряд ли он теперь сможет встать.

Слишком уж неуютно здесь было, чтобы задремать, но Майлз задремал. Сколько прошло времени? Трудно сказать, однако пробудился он резко – кто-то осторожно коснулся плеча. Рядом на коленях стоял Джин, теперь он гораздо меньше походил на рептилию.

– Эй, если хотите, пойдете ко мне в убежище, – прошептал он. – У меня и вода в бутылках есть. Йани нас не увидит, он уже лег спать.

– Вот... – язык не слушался Майлза, – вот здорово.

Сам бы он не встал, но крепкая молодая рука не дала ему

упасть.

Окруженный воющим ореолом вертячих светлячков, Майлз побрел за гостеприимной ящерицей.

Джин шел, посматривая назад, проверяя, не потерялся ли где забавный коротышка, ростом не выше самого мальчика. Даже в сумерках было ясно, что наркоша – взрослый мужчина, а не мальчишка, на что Джин поначалу надеялся. Тот говорил взрослым голосом, хоть и забалтываясь от усталости, словами точными и непростыми. А еще чудно – низко и раскатисто. Коротышка двигался прямо как Йани – медленно и скованно. Зато случайно пробежавшая по лицу улыбка светилась добротой, словно у человека, привыкшего радоваться жизни. Ворчун Йани никогда не улыбался.

Интересно, кто его поколотил? И за что? На коленях протертых штанов – засохшая кровь, на рубашке – бурые пятна. Для обычной сорочки она выглядела несколько вычурно. Как-то прежде, чем ее уделали, рубашка сверкала безупречной чистотой. Как такое могло быть, Джин не понимал, ну да и ладно. Зато теперь у него есть еще один, новый дружок. И никто его у Джина не отберет.

Подойдя к пожарной лестнице, бегущей по внешней стене теплообменника, Джин еще раз посмотрел на пятна засохшей крови и скрюченные от холода конечности. Спросил:

– А вы карабкаться умеете?

Коротышка поднял голову:

– Не то чтобы это было моим любимым развлечением...

И сколь высоко вздымается башня сей цитадели?

– Э-э... Только до верху, и все.

– А высоко ли до верху? – тихонько пробормотал коротышка. – Два этажа или, скажем, двадцать?

– Всего лишь три, – ответил Джин. – На крыше у меня тайник.

– На крыше?.. Что ж, зато «тайник» – звучит здорово. – Коротышка зачем-то облизнул потрескавшиеся губы – язык тоже казался совсем высохшим. Без воды он долго не протянет, подумал Джин. – Давай ты пойдешь первым? А то я, неровен час, поскользнусь...

– Мне придется пойти вторым. Надо поднять за собой лестницу.

– А... Ясно. – Маленькая короткопалая рука потянулась к перекладине. – Наверх. Наверху хорошо, да?

Он помедлил, вздохнул и полез, пошатываясь, наверх.

Джин взлетел следом с легкостью ящерицы. В трех метрах над землей он остановился, покрутил трескучий храповик, поднял лестницу, чтобы непосвященные в тайну не смогли последовать за ними, и задвинул щеколду. Еще три метра вверх, и перекладины лестницы превратились в широкие стальные скобы, прикрученные к стене. Коротышка преодолел и скобы; загвоздка была, похоже, в том, что он не мог перелезть через край крыши.

– А что теперь? – В голосе звучало напряжение. – Чув-

ствую, здесь надо прыгать вниз, на ту сторону, да вот не знаю, сколько до поверхности.

Чего это он? Не так уж и темно, чтобы совсем не видеть.

– Если не получается подтянуться, просто перекатитесь через край и падайте вниз. Край стены всего в полуметре над крышей.

– Ага... – донеслось в ответ.

Ступни мелькнули над головой и исчезли. Джин услышал глухой удар и хриплый вскрик. Он перемахнул через парапет. Коротышка сидел на плоской крыше и скреб пальцами по зернистой кровле, словно пытался уцепиться покрепче.

– Вы боитесь высоты? – Джину стало стыдно, что он не додумался спросить об этом раньше.

– Вообще-то нет. Просто голова кружится. Извини.

Джин помог ему подняться. Коротышка не отказался от помощи, и Джин повел его вокруг сдвоенной башни теплообменника, здоровенной глыбой возвышавшегося над крышей. Услышав знакомые шаги, Галли, Твиг, Миссис Спек и ее шестеро оставшихся в живых цыплят бросились к нему вокруг труб, квохча и кудахча.

– Боже, теперь я вижу кур, – произнес коротышка сдавленным голосом, внезапно остановившись. – Что ж, где ангелы, там и куры. Что-то общее все-таки есть – крылья, например.

– Перестань, Твиг! – шикнул Джин на коричневую курочку, которая все норовила клюнуть штанину гостя. Джин ле-

гонько оттолкнул ее ногой в сторону. – Я пока не принес вам корма, подождите.

– Ты тоже видишь кур? – осторожно поинтересовался коротышка.

– Да, и все – мои. Белую зовут Галли, коричневую – Твиг, а черную рябую – Миссис Спек. А это все ее детки. Только они уже совсем и не детки.

Выводок линяющих цыплят-подростков выглядел не очень аппетитно, и Джин даже хотел извиниться за них, пока гость продолжал вглядываться в мечущиеся под ногами тени.

– Я назвал ее Галли, потому что «галлус» – по-научному значит «курица».

Джину нравилось это имя, веселое и резвое, словно «галлоп»; он всегда произносил его с улыбкой.

– Грамотно, – сказал коротышка, и Джин потянул его за собой.

Зайдя за угол, Джин по привычке проверил навес, который сам соорудил из кусков брезента и каких-то чехлов. Конструкция, натянутая на шестах между башнями теплообменника, служила кровом для всего зверья. Под навесом было уютно, да и просторнее, чем в спальне в той, другой жизни... Лучше не вспоминать...

Отпустив руку гостя, мальчик взлетел на стул и включил лампочку-переноску, свисающую с растяжки рядом с обрывком провода. Тайное царство под навесом залилось ярким

светом: лампочка справлялась со своей работой не хуже иной люстры. Незнакомец тут же прикрыл воспаленно-красные глаза ладонью, и Джин приглушил освещение.

Джин спустился со стула. Лаки поднялась и заковыляла ему навстречу с одеяла, лежавшего среди горы клочков бумаги, служивших матрацем. Мяукнув, она поднялась на задние лапы и дотянулась единственной передней до Джинова колена, разминая коготки. Джин наклонился, почесал за пушистым серым ухом.

– А обеда-то пока и нету, Лаки.

– У этой кошки действительно три лапы, или?.. – спросил гость как-то испуганно.

Джин даже забеспокоился, нет ли у того аллергии на кошек.

– Ну да, ей прищемило лапку дверью. Она еще совсем котенком была. Это не я ее так назвал, это мамина кошка. – Джин прикусил язык. Не надо было этого говорить. – Вообще это просто *Кошка домашняя*.

Вихрь, сокол, пронзительно крикнул со своего насеста; у Майлза уши свернулись трубочкой, а крысы зашебуршали по клеткам. Джин поздоровался со всеми, но еды за приветствиями не последовало, и недовольное зверье расплзлось по местам.

– А вы крыс любите? – спросил Джин с неподдельным интересом. – Хотите, я дам вам подержать Джинни? Она не укусит.

– Может, попозже? – ответил гость, но тут же прочел обиду в глазах Джина. Прищурившись, обвел взглядом клетки и поправился: – Крыс-то я люблю, просто боюсь, что уроню Джинни. Руки пока не слушаются. Слишком долго я сегодня бродил по Криосотам. – И, подумав, добавил: – Знавал я одного астронавта. Тот хомячков держал.

Это уже было что-то. Лицо Джина просветлело:

– Ой, вы же пить хотите!

– Буду благодарен, – ответил гость. – Это ведь стул, да?

Он ухватился за спинку стула, который Джин только что использовал как стремянку, и облокотился на него. Стоявший рядом исцарапанный круглый столик, выброшенный некогда за ненадобностью из кафе, мог бы украсить жилище любого бомжа. Когда Джин нашел его в очередном помойном рейде, столик едва держался на расшатанных ножках. Смотритель Тенбери научил Джина, как починить его разными подручными средствами.

– Ага, садитесь! Извините, стул у меня один – гостей-то обычно не бывает. Вы – гость, а значит, стул – ваш.

«Гость» плюхнулся на выдавший виды пластиковый стул, тоже, видимо, из кафе. Джин пошарил на полке, выудил литровую бутылку воды, открутил крышечку и передал бутылку Майлзу.

– Извините, чашек у меня нет. Вы не против пить из одной бутылки со мной?

– Вовсе нет, – ответил тот, поднял бутылку и жадно к

ней присосался. Уже допивая, внезапно поперхнулся. – Пой-ка, это что, весь твой запас воды?

– Нет-нет. На башнях охладителя снаружи есть краны. Один сломан, но когда я перетащил сюда всех своих друзей, смотритель починил второй специально для меня. И палатку он мне помог поставить. Старшие не разрешили мне держать животных в здании – не всем людям нравятся шум и запахи. Да мне здесь и лучше. Пейте сколько хотите. Я еще наберу.

Коротышка осушил бутылку, и Джину пришлось расплачиваться за свои слова.

– Можно еще?

Джин метнулся к крану и наполнил бутылку, на мгновение задержавшись у поилки для цыплят. Гость осушил еще полбутылки не останавливаясь, затем веки его устало смежились.

«Интересно, сколько же ему лет?» – подумал Джин. На бледном лице залегли морщины, тонкими лучиками разбегаясь из уголков глаз. Подбородок темнел суточной щетиной; такая у кого хочешь пробьется после ночи *под землей*. Темные волосы аккуратно пострижены, в отблесках света видно кое-где пробивающуюся седину. Похоже, он вовсе не карлик, просто невысокий взрослый. Вроде крепкий, хотя голова на короткой шее выглядит несколько крупновато. Джин сторгал от любопытства, но, проявляя вежливость, все же решил пойти в обход.

– А как вас зовут, господин?

Глаза незнакомца распахнулись; светло-серые, наверно, еще и яркие, только сейчас слишком уж красные и воспаленные. Хорошо, что он не такой здоровенный, как остальные взрослые, иначе Джин бы испугался.

– Майлз. Майлз Фор... э-э... остальное здесь у вас никто и выговорить-то не может. Зови меня просто Майлзом. А как зовут тебя, э-э... добрая душа?

– Джин Сато, – ответил Джин.

– Ты живешь здесь, на крыше?

Мальчик пожал плечами.

– В основном да. Сюда никто не суется. Лифт внутри здания не работает. – Джин решил перехватить инициативу: – Мне скоро будет двенадцать. – Решив, что вот он и настал, момент правильного вопроса, Джин наконец-то выдал: – А сколько вам лет?

– А мне тридцать восемь. Недавно было...

– Ух... – Джин переваривал информацию. Значит, он старик. А значит, наверняка зануда. Пусть и не такой древний, как Йани, но с другой стороны, как узнать, сколько Йани понастоящему лет? – Вы говорите как нездешний. Откуда вы?

– Да, я не здешний. С Барраяра.

Джин сдвинул брови.

– А это где? Это город? – Такого города в префектуре не было, Джин мог бы назвать все двенадцать. – Никогда не слышал.

– Это не город. Это такая планета. Если уж совсем точно,

трехпланетная империя.

– Так вы с другого мира! – Джин в восторге выпучил глаза. – Я еще никогда не встречал людей с других миров! – Сегодняшнее ковыряние в мусорных кучах внезапно принесло богатый улов. Хотя если он турист, то наверняка уйдет отсюда, как только дозвонится до своих друзей или до отеля. Что уж тут радоваться. – А вас что, грабители поколотили, или что?

Джину рассказывали, что грабители нападают на наркоманов, пьяниц и туристов. Наверно, все эти люди очень беспомощны, подумал тогда Джин.

– Вроде того. – Майлз внимательно посмотрел на Джина. – Ты последние новости не слышал?

Джин покачал головой.

– Здесь только у секретаря Сьюз есть рабочий коммпульт.

– Здесь?

– Ну... у нас. Здесь у нас криокомплекс, правда, его закрыли и забросили давным-давно, еще до того, как я родился. Потом сюда пришли люди, которым больше некуда было деваться. Думаю, мы тут все вроде как прячемся. Конечно, кто живет по соседству, знает, что здесь есть люди. Сьюз-сан говорит, что, если мы все будем поосторожнее и не будем высовываться, на нас никто не обратит внимания.

– А этот, который с тобой был... Йани? Он кто? Твой родственник?

Джин изо всех сил замотал головой:

– Нет, он просто пришел сюда однажды, как и все. Он размороженный.

Джин произнес это слово с придыханием: *размороженный*.

– То есть из криокамеры?

– Ага. Вот только он сам меньше всех рад, что его разморозили. У него был контракт с криокорпорацией только на сто лет. Думаю, тогда, давным-давно, Йани отвалил за него кучу денег. Но забыл сказать им, чтоб не размораживали, пока не найдут лекарство от старости. Ну так вот его и разморозили по контракту. Жалко им, наверное, теперь – его голос потеряли. Вряд ли Йани ожидал такого будущего: слишком уж стар, чтобы работать, а значит, в криокамеру ему больше не попасть. Да и вообще мало что соображает. Только жалуется на все постоянно.

– Ясно... Вроде бы.

Коротышка зажмурился, затем широко распахнул глаза и потер брови, словно отгоняя сильную боль.

– Черт... Когда же оно отпустит?..

– Может, приляжете на мою скатку? – робко предложил Джин. – Вам нехорошо?

– Ты прав, мой юный друг! Мне нехорошо... Как точно сказано. – Майлз опрокинул остатки воды из бутылки себе в рот. – Мне нужно больше воды, надо поскорей вымыть из организма эту дрянь. Где у тебя сортир? – Джин недоуменно посмотрел в ответ, и Майлз пояснил: – Туалет? Гальюн?

Отхожее место? Нужник? В здании есть толчок?

– А! Простите, поблизости нет... Я когда на крыше подолгу остаюсь, обычно потихоньку... ну... туда, в канавку, в уголке. А потом смываю по водостоку ведром воды. Только нашим женщинам ни гу-гу. А то они поднимут шум. Хотя травка внизу здорово зазеленела. Цыплята, вон, всю крышу уделали, так ведь ничего, никто и внимания не обращает!

– Вот это да! – улыбнулся Майлз. – Поздравляю, мой зеленокожий оруженосец! Уборная – твое независимое изобретение! Для рыцарского замка – в самый раз.

Что за «убор на “Я”» Джин и понятия не имел; по правде говоря, он не понимал и половины того, что лопотал этот наркоша. Поэтому решил не брать в голову.

– Вы прилягте, а я принесу чего-нибудь поесть, – предложил мальчик.

– Прилечь? Заманчиво... А там, глядишь, и поесть смогу. Джин обрадовано вскочил.

– Вам еще воды принести?

– Будь добр.

Когда Джин вернулся с водой, коротышка пристраивался на суконном одеяле, брошенном у стены теплообменника. Лаки ему помогала. Майлз протянул руку и рассеянно почесал ее за ушами, а потом нежно провел пальцами по обеим сторонам кошачьего хребта, выгнутого от удовольствия. Кошка снизошла даже до того, чтобы выразить признательность редким для нее урчанием. Майлз простонал и отки-

нулся на спину, взял бутылку с водой и поставил у изголовья.

– Господи, хорошо-то как!

Лаки запрыгнула ему на грудь и принялась обнюхивать щетинистый подбородок. Майлз терпеливо наблюдал за ней.

Джин вдруг испугался.

– Если вы так боитесь высоты, как же быть с водостоком?

Жуткая картинка возникла перед глазами мальчика: его гость, человек с другой планеты, летит вниз головой, оступившись на парапете после неудачной попытки пописать в темноту...

– Знаете, куры почти не летают, хотя и птицы. А цыплята, так те вообще не летают! У меня погибли два цыпленка Миссис Спек – свалились с парашюта. Вроде выросли: забраться-то на край забрались, а вот удержаться – сил не хватило. Поэтому я им на вырост приспособил веревочку: привязываю за лапку, чтоб не заходили слишком далеко. Может, я и вас так... за лодыжку привяжу?

Майлз воззрился на ребенка в изумлении. Джин даже успел перепугаться, что смертельно обидел гостя. Наконец в ответ прозвучал скрипучий голос:

– А знаешь, парень, в сложившейся ситуации идея очень даже недурная!

Джин расплылся в улыбке от уха до уха и помчался на поиски веревки, зарытой где-то в ворохе мальчишечьего скарба. Один конец накрепко привязал к металлическим поручням у люка теплообменника, проверил, хватает ли длины

до самого желоба водостока; вернулся, чтобы закрепить другой конец вокруг лодыжки гостя. Коротышка уже спал, обнимая одной рукой бутылку с водой, а другой – серую кошку. Мальчик дважды обернул веревку вокруг его лодыжки и затянул крепким узлом. Затем вскарабкался на стул и приглушил свет переноски до мягкого, как у ночника, свечения. Он старательно гнал от себя мысли о маме.

«Ложись и засыпай! А то придет серенький волчок и укусит за бочок!»

«Если волчок придет, я его поймаю и посажу в клетку. А кто он, этот волчок? Расскажи!»

«Понятия не имею. Просто так говорят деткам, когда укладывают спать. Засыпай, Джин!»

Как же его согревали эти слова! Но теперь от них холодно. «Ненавижу холод».

Обрадованный тем, что все так здорово устроил и что теперь-то его загадочный гость с другой планеты никуда не денется, Джин вернулся к парапету, перегнулся через край и посмотрел на лестничные скобы. Если поторопиться, можно успеть в «Кафе Аяко» до закрытия, прежде чем все хорошие объедки попадут в помойку.

Глава вторая

Когда оруженосец Роик очухался во второй раз (хотя, может, то был уже третий?), нервно-паралитический дурман почти рассеялся, превратившись из густой каши в голове в пульсирующую между висками муть. Пошарив вокруг в поисках коммуникатора, Роик, естественно, ничего не обнаружил. Застонав, он повернулся на вонючем полусгнившем матрасе. Матрас лежал на полу, а вот где находился пол, понять было сложно. Роик открыл глаза и наконец-то при дневном свете ясно разглядел свою тюрьму.

С мебелью как-то не густо. Похоже на гостиничный номер – об этом говорят и планировка, и розетки, и ржавый разбрызгиватель противопожарной системы над головой, и лампочка над единственной дверью вместо светильника. Матрас лежал в нише, некогда бывшей встроенным в стену шкафом. Напротив, в проеме выбитой двери, виднелся туалет. На лодыжке висела цепь. На другом конце цепи – болт, вмурованный в стену. Цепи хватало, чтоб зайти в туалет; во всяком случае, остались туманные ночные воспоминания. Однако до входной двери не доберешься.

Он опять проверил, хватает ли цепи до туалета. Жадно приложился к пластиковому стаканчику с водой, оставленному заботливыми похитителями. Может, если пить больше, голова прочистится скорее? За длинным узким окном над

ванной открывался пейзаж: унылый склон, покрытый лесом, густо спутанные ветви чернеющих деревьев. Роик постучал по стеклу. Оно отозвалось глухим голосом небьющегося материала. Тут либо электродрель нужна, либо плазморез.

Проверив длину цепи, пленник выяснил, что ее не хватит даже на полпути до двери. Зато если встать во весь рост, видно все за передней стеклянной стеной номера, за той частью, что не перекрыта шторами и поляризующим фильтром. Мда, гостей здесь точно не ждут. Окно его номера выходило на общий балкон второго этажа. За балконными перилами открывался вид на обширные заросли кустов, которые терялись и растворялись в густом ельнике. Других зданий поблизости не было видно.

Ясно одно: он уже не в городе. А не было ли ночью на горизонте отсветов, огней большого города? Запомнилась только лампочка ночного освещения в туалете. Где же это он? Может, в десятке километров от Нортбриджа, а может, в десятке тысяч. И от этой разницы зависит жизнь...

Со своим огромным ростом он не без труда скрючился на матрасе и принялся за болт в стене, на котором висела цепь. Роику показалось, что болт – единственное слабое звено. Однако тот и не думал поддаваться. Мясистым пальцам едва удалось зацепиться за треклятую железяку. Эх, если бы хоть как-то подцепить и раскатать ее...

«Да как же меня угораздило попасть в такую переделку?»

Роику так и виделось: старший оруженосец Пим в пух и

прах разносит его действия во время вчерашней потасовки. Парень даже съежился от страха. Ведь получилось, пожалуй, в тысячу раз хуже, чем при жалком фиаско в истории с масляными жуками. А как все хорошо начиналось четыре недели назад!

Ну, может, только как-то поспешно. Хотя, в этом-то что удивительного? Как правило, все поручения императора Грегора лорду Аудитору Форкосигану отдавались внезапно. После дюжины межпланетных командировок с милордом, у Роика накопился «тревожный чемоданчик» умений. Например, мгновенно собрать багаж и документы на обоих, обеспечить безопасность милорда, когда Роик выступал в роли «личного помощника». Именно в такой должности Роик официально сопровождал милорда Форкосигана. Как правило, пытаться объяснить гражданам иных миров, что означает почетный титул оруженосца, превращалось в пустую трату времени. К тому же Роик выполнял функции медбрата, без чего лорду Форкосигану было не обойтись. Хотя об этом милорд предпочитал молчать.

Зная свое дело прислуга Дома Форкосиганов под неусыпным оком леди Катрионы фактически сняла с него часть этих задач. А вот отмена личных планов оказалась весьма болезненной – Роик едва успел набраться храбрости и пригласил мисс Пим в Хассадар, познакомиться с родителями. К счастью, Ори, дочь военного, все прекрасно понимала. Ухаживать за дочерью собственного командира оказа-

лось весьма непростой задачей. Ему вспомнился один вид земных насекомых, про которых рассказывала леди Форкосиган. Так у тех самец должен глядеть в оба, чтоб суженая не слопала его, приняв за корм. Только в данном случае, сделай он хоть один неверный шаг, башку ему оттяпает старший оруженосец Пим.

Ну так вот. Получив императорское распоряжение, менее чем через сутки они уже добрались катером до орбитальной станции пересадки. Затем – корабль, скачок и три тоскливые (хотя и не сказать, что без удобств) недели в пути на Новую Надежду II, или Кибо-Даини, как ее, чтобы не спутать с двумя другими планетами, называли местные жители. В конце пути – прибытие на одноименную (даже лучше, чем одноименную: просто «Кибо», язык не сломаешь) пересадочную станцию п-в-туннеля. Милорд, привыкший еще в дни работы в Имперской безопасности не тратить дорожное время попусту, загрузил Роика объемистым домашним заданием – информацией о цели полета, да и сам нырнул в изучение еще более объемистых секретных докладов.

Роик никак не мог взять в толк смысла командировки. Ну, с лордом Форкосиганом все ясно: он единственный, кто, насколько Роик знал, действительно умер и вернулся к жизни лишь благодаря крионике. То есть в это вопросе Майлз – самый что ни на есть настоящий специалист-практик среди всех Аудиторов Грегора, личного императорского подразделения по особым поручениям. А уж в галактической дипло-

матии он был дока, тут вообще никаких сомнений. К тому же только что вполне успешно закончилась его работа в еще одной должности – графа-представителя своего отца в Совете Графов, где он несколько лет работал в различных комитетах по усовершенствованию законов Барраяра в области репродуктивных технологий до всегалактических стандартов. Возможно, подумал Роик, крионика – лишь обратная сторона проблемы, связанной с искусственным продлением жизни, а посему – логическое продолжение работы милорда. Но «Открытая конференция по вопросам крионики» в Нортбридже, проводимая консорциумом криокорпораций Кибо-Данини, казалась поначалу самым умильным гостиничным сборищем ученых головастиков и перекормленных юристов, которое Роик видел в своей жизни.

– Не стоит недооценивать ученых мужей, когда речь заходит о финансировании науки. Они превращаются в акул бизнеса, – пояснил милорд в ответ на недоумение Роика. – И уж тем более нельзя сомневаться в способностях юристов к тактике засад.

– Да они же ни черта не смыслят в игольниках и парализаторах! – не сдержался Роик. – Только болтать умеют. И чего я тут торчу? Как начнут метать свои статьи, я лучше за вас спрячусь, милорд.

Похоже, поторопился. Сглазил.

Роик честно скучал на всех заседаниях, где пожелал присутствовать милорд. Оруженосец садился в последнем ряду:

оттуда можно было наблюдать за входами-выходами. Он держался изо всех сил, чтоб не заснуть. А вот милорд конспектировал все без усталости и без разбору. Роик всюду следовал за милордом на званых обедах, на пышных вечерних банкетах, устраиваемых спонсорами, держась на самых разных расстояниях – то прямо-таки нависая над плечом милорда, то прислоняясь к дальней стене, по знаку Майлза. О крионике и людях, которые ей занимаются, он узнал гораздо больше, чем хотел.

Роик уже было решил для себя, что вся затея с поездкой – не что иное, как сговор леди Форкосиган и императрицы Лаисы. Катрионе ведь столь необходим отпуск – отдых от супруга, который относит все жалобы на счет скуки, а скука, по его мнению, лечится только новыми увлекательными планами и делами. Леди Форкосиган несет на своих плечах домашнее хозяйство, воспитание четверых детишек дошкольного возраста и подростка, сына от предыдущего брака, а плюс ко всему политически важную роль супруги Имперского Аудитора и графа-наследника в одном лице. Она взвалила на себя обязанности по развитию сельского хозяйства и терраформированию округа Форкосиганов, а в короткие оставшиеся мгновения отчаянно пытается реализовать свои планы по садовому ландшафтному дизайну. По всему поэтому прислуга уже судачила и гадала, когда же Катриона не выдержит и в ответ на мужнины чудачества вышвырнет коротышку из окна четвертого этажа поместья Форкосиганов. Роик подумал,

что командировка на Кибо в общем-то неплохая альтернатива.

Даже самому преданному телохранителю иногда требуется выйти по нужде. Вот потому-то, не заботясь об экономии, Роик и доказывал с пеной у рта необходимость держать с ним помощника, а лучше двух – на всякий случай. Прошлым вечером (а может, позапрошлым? сколько дней он провел в плену и дурмане?) он сходил в туалет и вернулся в зал приемов. Милорда там не оказалось, зато сигнал его комм обнаружился этажом выше. Туда, на совсем уж закрытую часть банкета, вела винтовая лестница. Их коммы работали на безопасном зашифрованном канале. Поскольку аварийного сигнала не поступило, ожидание заставило Роика лишь немного понервничать и потренироваться в терпении. Наконец милорд спустился по витым ступеням, довольными жестами расправляя манжеты; выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Но чтобы это понять, надо было его знать. Дьявольский огонек блестел в глазах, на губах блуждала усмешка, да и вообще вид был ликующий. А в ликование его приводили совершенно ужасные вещи.

– Что случилось? – взволнованно шепнул Роик.

– Позже, – прозвучало в ответ, – здесь стены с ушами.

Так Роик и скрежетал зубами до вечера, пока они не остались одни в комнате. Тогда милорд распаковал глушилку от «жучков» и шифратор. Он уселся за единственный в комнате письменный стол и принялся стучать по клавишам.

– Ну, так что все-таки случилось? – Роика разбирало нетерпение. – С чего такой довольный вид?

– Дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. После долгих дней тишины меня пытались подкупить.

Роик замер. Дача взятки Имперскому Аудитору влекла за собой смертный приговор на Барраяре.

«К несчастью, мы не на Барраяре».

– Э-э... И это что, хорошо?

– Как говорят, нет дыма без огня. – Милорд продолжал жизнерадостно молотить по клавишам, творя послание, предназначенное лишь для императорских глаз. – А может, без зеркал. Прошу обратить внимание, попытка была завуалированной и весьма элегантной. Остается только радоваться, что я имею дело не с идиотами. Ах, Лаиса, как же ты была права. Милая комаррианка, и откуда только твой прелестный носик все знает?

– Что-что? – заволновался, ничего не поняв, Роик.

– Да уж, не поносил ты форму наемника, не послужил в спецслужбах. Там на предмет взяток были интересные проверенные правила. У меня на флоте было так: бери все, что дают, доложи начальству, делай то, что должен. На тайной службе – примерно то же: принимай взятку и тяни нитку. У всех ниток-веревочек два конца, знаешь ли. Веди и подсекай, там увидишь, что поймал. Ха-ха!

Допечатав, Майлз расцвел в радостной улыбке.

– А что за взятка? – настаивал Роик. – Или мне не следует

знать?

«Не надо, не вынуждай меня работать вслепую».

– Крайне привлекательный фондовый опциончик от компании Ширагику-ша, ее полное название «Криокорпорация Белая Хризантема». Случилось так, что компания собирается открыть свое отделение на Комарре; мне, похоже, предлагается войти в дело на весьма выгодных условиях. Коротче говоря, мне предложили беспроцентный кредит, деньги могу отдать, когда стоимость акций удвоится. Ну а что для них может быть выгоднее акционера с моими несусветно высокопоставленными связями? Хотя, надо отметить, голосующие акции мне не предлагали. Голосовать будут хозяева, чьи имена пока покрыты мраком.

Изо всех головоломных извращений демократии, встречавшихся Роику – вроде вторичного рынка комаррских всепланетных голосующих акций, – обычай Кибо-Даини включать замороженных (а по сути – мертвецов) в списки для голосования начисто выносил мозг. Эти люди становились марионетками в руках криокорпораций. Те распоряжались безответными голосами несчастных, созидавая ведомое лишь им самим будущее. Если уж доверяешь корпорации свое забвение и последующую жизнь, то голос – это такая мелочь.

– Без сомнения, то была великолепная задумка, – решительно заявил милорд, узнав о местной традиции. Правда, он говорил о временах двухсот– или трехсотлетней давности, когда странные похоронные обычаи (Роик представлял

ситуацию именно так) лишь набирали популярность.

– Тэк-с... – пробормотал милорд себе под нос, отправляя донесение окольными и шифрованными путями.

Ох, как Роику хорошо знакомо было это «тэк-с». От него мороз пробежал по коже.

Засим в постель! Нас ждут великие дела последнего дня конференции. Вот только пошел он, этот последний день, совсем не так, как ожидалось. Насколько понял Роик, никто, даже его хитроумие милорд, не ожидал, что события развернутся *так*.

И вот – Роик, Роик, что же ты натворил... – безумный коротышка сгинул!

А сгинул ли? Запоздало пронеслась мысль: может, милорда тоже захватили? Сцапали там, в фойе, в пылу сражения?

Может, он *здесь*? Роик оставил болт в покое и повернулся к стене. Трижды постучал по три раза. Повторил. Ни звука в ответ. Попробовал у противоположной стены, для чего пришлось потянуться. Снова тишина. Может, смежные комнаты пусты? А может, его товарищи по несчастью еще не пришли в себя, не слышат его и не в состоянии ответить... А еще за стеной могут оказаться похитители, и он только что своими руками дал им знать: «Я очухался». Черт! Надо позже еще попробовать.

Роик снова принялся ковырять болт. Волдыри на пальцах уже появились, а проклятая железяка никак не поддавалась. В голове опять завертелись картины: он лишь на мгновение

потерял милорда из виду, и тут вдруг сработали отточенные за годы рефлексy телохранителя. Роик затолкал полдюжины потенциальных заложников в гравитационную шахту и отеснил к пожарному выходу. Да, они были штатскими, невооруженными «ботаниками». Пусть никто, кроме Роика, не помог бы им, что с того? Разве они – его забота? Да и нападавших этим только разозлил, чертовски разозлил, потому и нарвался на луч парализатора. «Вот бы милорду удалось бежать, тогда он меня спасет!» Позорище, конечно. Однако с какой радостью Роик встретил бы этот позор.

Щелкнул замок, Роик дернулся и спрятал ладони на коленях. Дверь открылась, в помещение протиснулся костлявый юнец. Сальные темные волосы, узкая щель глаза, подозрительно зыркающего на Роика из глубины фиолетово-багровой гематомы. Юнец дохромал до радиуса действия цепи, опустил поднос с разогретыми полуфабрикатами из фаст-фуда и подтолкнул его Роику чем-то, здорово смахивающим на швабру. Порция на подносе была не вскрыта. Что ж, похоже, его не собираются ни травить, ни морить голодом. «Не делай поспешных выводов», – раздался в голове голос милорда. Есть хотелось страшно, однако Роик и не двинулся к подносу.

– Я тебя знаю, – выпалил он, – видел тебя в фойе отеля.

Видел вплотную. События завертелись слишком быстро, чтобы Роик мог твердо сказать: профессионально прошло нападение или так, любительщина чистой воды. Прокручи-

вая в голове случившееся, он решил, что скорее в налете было всего понемногу. Снайпер, который снял его парализатором, знал свое дело. А вот те, что увели пленных, никак не вписывались в представления Роика о профи. Ясно одно: то был массовый захват заложников, а вовсе не заговор против граждан Барраяра. То-то милорд расстроится, прямо-таки удар по его самолюбию. Одно непонятно: хорош такой расклад или плох?

Костлявый угрюмо потрогал фингал и сделал шаг назад. Он, похоже, также вспомнил Роика.

– Ну и кто вы такие? – продолжил Роик. – На кой дьявол притащили меня... нас сюда?

Костлявый вскинул голову; не заплывший глаз вспыхнул.

– Мы – Организация освобождения Новой Надежды! Наше поколение, – он ухнул себя в грудь кулаком, – берется за борьбу с властолюбивыми корпорациями! Продажные и разжиревшие, они не оставляют нам шансов, кроме как спалить всю их прогнившую систему до основания, а затем... Затем мы построим все заново. Мы поднимем голову, мы вырвем руки мертвецам, что пытаются обратить нас в прах!

Роик испуганно прищурился, а Костлявый, исполнившись страстью, продолжил проповедь – хотя, может, и несколько путано. По всей видимости, ООН представляла собой некую местную политическую группировку, которая, не будучи способной к ведению диалога (если Костлявый состоял у них в переговорщиках, то чему тут было удивляться?), по-

пыталась увеличить вес своих аргументов, перейдя от слов к делу. Обрывки разговоров, что Роик случайно услышал на конференции, серьезная критика деятельности местного политического процесса – все утонуло в бесконечном потоке нытья, но суть разглагольствований сводилась к тому, что Костлявый и его дружки полностью себя дискредитировали. А начавшаяся «черная полоса» подтолкнула их к осознанию: если мертвецы не перестанут накладывать свои лапы на все, что можно, то живым скоро совсем ничего не достанется. Дельцы и мертвецы перемешались в голове Костлявого невообразимой кашей. Роик не стал объяснять тому, что благосостоянием Кибо-Даини распоряжались вообще-то живые люди, хоть и от имени мертвецов. И уж если заменять их на других живых, то вряд ли кто станет приглашать на эту роль ООН.

– Сожги мертвецов! – воскликнул Костлявый в завершение речи, словно «Аминь!» после зазубренной молитвы.

Сжечь, закопать или заморозить – Роик не видел особой разницы. Ну, потеряешь немного органики, которую можно переработать.

– А к нам-то это какое отношение имеет? – пожаловался Роик своему обидчику. – Нам ваши выборы – побоку. Мы вообще на следующей неделе улетаем. Или вы на выкуп рассчитываете?

Костлявый презрительно махнул рукой:

– Вот еще! Мы намерены рассказать всем планетам: мы

страдаем здесь, на Кибо, от беззакония и коррупции! После нашей акции никто – ни вы, приезжие из других миров, ни самодовольные госслужащие, это зажавшееся старичье, которое только и мечтает о грядущей вечности в вожденной морозилке, ни наше поколение, раздавленное пятой угнетателей по всей планете, – никто не останется в неведении! У вас не получится закрыть глаза и заткнуть уши!

– А, так это вы так пиаритесь? – ответил Роик и подумал: уж лучше бы выкуп. Милорд бы все устроил в мгновение ока, едва ему позволили бы связаться с барраярским консульством на планете. И, будьте покойны, он бы не забыл как-нибудь по-хитрому вернуть деньги впоследствии. Ну и, конечно же, Роик никогда не слышал о политических радикалах, которые не были готовы удавиться за деньги. – А ведь можно решить проблемы выкупом. Или назовем это вознаграждением, если...

Взгляд Костлявого полыхал презрением. Что ж, не будем торопить события. Пусть клиент обмозгует предложение. У Роика есть дела и поважнее.

– Лорд Форкосиган, мой работодатель, невысокий такой, вам по плечо будет, с тросточкой и все время трещит без умолку, его ни с кем не спутаешь, – он здесь?

Наигран ли был непонимающий ответный взгляд? Не разберешь. Тогда Роик попробовал настойчивее:

– Если он здесь, то нас надо поместить в одну комнату. Ему требуются определенные процедуры, и без меня не

обойтись. С ним случаются серьезные припадки. Лорд Форкосиган – один из влиятельнейших форов на Барраяре. Вам хорошо заплатят, если он вернется домой целым и невредимым. А вот если он тут копыта откинет, то я и думать боюсь, что с вами произойдет.

Роик не знал, как дальше развивать эту тему. Милорд не случайно держался в тени на Кибо; Роику не хотелось накручивать цену выкупа неосторожными высказываниями.

Припадки начались у лорда Форкосигана после выхода из криостаза. Майлз падал, содрогаясь и закатывая глаза; лежал так пару минут, затем вставал, разбитый и подавленный. Зрелище крайне неприятное. Однако припадки вряд ли были смертельны – по меньшей мере такой опасности не было с тех пор, как леди Форкосиган заставила его поклясться, что тот никогда сам не сядет за руль никакого транспортного средства, наземного или воздушного, известного ей или не известного. Лошади и велосипеды остались в качестве компромиссного варианта, и хотя милорд терпеть не мог шлемы, ему пришлось подчиниться.

Костлявому ни к чему было знать детали, поэтому Роик лишь художественно доработал описание симптомов до нужной ему степени. Тогда в глазах у Костлявого мелькнуло сомнение, парень расслабился и ответил:

– Ладно, я поспрашиваю. – И добавил совсем уж непрофессионально: – Только сомневаюсь, что-то не видел я здесь никого похожего на твоего босса.

Костлявый ушел, оставив Роика в размышлениях. Так, мелкая сошка. Не из хозяев. Костлявый очень сильно смахивал на тот тип людей, который частенько встречался Роику в бытность его патрульным на улицах Хассадара, столицы округа Форкосиганов. Таким придуркам и работу на посудомоечной машине доверить нельзя – слишком сложно. Зато убедить их в том, что кто-то другой виновен во всех невзгодах – пара пустяков. Уж Роик об этом хорошо знал. Такие, как Костлявый, сами рассказывали, долго и нудно, пока патрульный помогал им добраться до тихого, спокойного местечка, где можно выспаться и перележать похмелье – от выпивки, наркотиков или словоблудия. Хотя нельзя сказать, что эти типы совсем не опасны, особенно когда вляпаются по уши. Правда, и тогда утихомирить такого – не бог весть какое море проблем.

Море сегодняшних проблем выглядело скорее бездной. Собиралась ли ООН убивать заложников по одному, если их требования не удовлетворят? На Барраяре чокнутые экстремисты так бы и поступили, подумал Роик с чем-то похожим на гордость. Странно, но до сих пор события разворачивались бескровно – парализаторы да сонный газ, никаких тебе игольников или нервнопаралитического газа. Но если вдруг все-таки – *а вдруг?* – можно ли надеяться, что охотились не за милордом?

Если б милорд умер на глазах у Роика, не оставалось бы ничего, кроме как передать показания по зашифрованному ка-

налу comma, да перерезать себе глотку на месте. Потому что смерть предпочтительнее персонального доклада некоторым персонам. Он представил себе лица графа и графини Форкосиган, леди Катрионы, когда те услышат новость. А командер Пим? А Ори? Он увидел пятилетних карапузов Сашу и Элен – чтоб заглянуть им в глаза, придется стать на колени: «А где наш папочка, Роик?»»

Лезвия под рукой не оказалось. Роик слышал о заключенных, умудрявшихся задушить себя, проглотив собственный язык. Он даже попробовал – выгнул язык к гортани. Нет, с ним такой номер не сработает. Зато есть стена. Чертовски крепкая, во всяком случае, болт держится намертво. Интересно, если хорошенько разбежаться, можно сломать о нее свою крепкую шею?

Впрочем, пока рановато об этом думать, хотя и забывать о такой возможности не стоит. Вот милорд, к примеру. Прежде чем взяться за решение вопроса о жизни и смерти, всегда плотно перекусит. Да и миледи тоже, если разобраться. Роик вздохнул и подполз на четвереньках к подносу с едой.

Пробуждение вышло резким. Глаза наполнились солнечным светом, который превратился в тень матерчатого навеса. Затем изображение сменилось кошачьей мордой на расстоянии кошачьего же дыхания. Значит, на груди был вес кота, а не новая болячка. Сняв с себя трехногую животинку, Майлз осторожно сел. Проверим состояние. Головная боль

и похмельный синдром – присутствуют; жуткая усталость – присутствует; визгливые ангелы – отсутствуют, что не может не радовать. Кошмарные галлюцинации также отсутствуют, а обстановка, какой бы странной ни казалась, вовсе не порождение наркотического бреда.

Сбросив одеяло, он обвел взглядом новое пристанище. Детали старинного замка растаяли, сменившись функциональным квадратом плоской крыши, над которой торчали башни теплообменника, служившие заодно и растяжками палатки. Или амбара? Скорее зоопарка. На перекладине, выше всех, сидела хищная птица, грациозная и надменная, – явно фтор среди остального зверья. На покореженных металлических полках располагалось собрание черных и белых крыс в клетках да стеклянные стенки террариумов. Их обитателей надежно скрывало искусное оформление из растительности; Майлз готов был поклясться, что заметил в зарослях черепашку. Вдоль стены, против его импровизированной постели, стояли три ящика, устланные какими-то обрывками. Там расположилось гнездовье цыплячьей популяции. Твиг, коричневая курица, все еще дрыхла в своем ящике. Майлз уставился на бельевую веревку, привязанную вокруг лодыжки. «Теперь я в коллекции?» Что ж, могло быть и хуже.

А вот и хозяин зоопарка. Джин, сидевший за круглым столиком, улыбнулся Майлзу:

– Проснулись? Вот и хорошо!

Теперь, когда мозги прочистились и залившая их до краев наркотическая дрянь не «обрабатывала» изображение перед глазами, Джин предстал перед Майлзом тощим мальчонкой, только-только превращающимся в подростка, с черной, жесткой и давно не стриженной копной на голове и яркими карими глазами. В чертах лица угадывались гены всех наций, основавших население этой планеты. Рубаха великовата: рукава закатаны, а вот низ свисал над мешковатыми шортами. Поношенные кеды без носков болтались на щиколотках.

– Будете завтракать? – предложил паренек. – Сегодня с утра – свежие яйца. Целых три!

Вот ведь гордый юный птицевод... Майлз понял, что яиц на завтрак ему не избежать.

– Чуть позже. Сначала хотелось бы умыться.

– Умыться? – нахмурился Джин, словно никогда о таком новшестве не слыхивал.

– Мыло у тебя есть? – продолжил Майлз. – Бороду, полагаю, ты не бреешь...

Джин отрицательно покачал головой, однако тут же кинулся шарить по своим захламленным полкам и вскоре вернулся с засохшим куском мыла, пластиковой кюветой и сероватым полотенцем. Майлзу пришлось попросить Джина развязать бельевую веревку, после чего он с благодарностью принял мыло с другими принадлежностями и поплелся за теплообменник, где ждали кран и вода. Там разделся, вернее, сорвал лохмотья, оставшиеся от одежды, и не только

умылся – вымылся весь, не забыв хорошенько намылить стертые ступни и колени. Особенно колени – те сверкали ушибами и ссадинами, хотя воспаления вроде не было. Джин хвостиком пришлепал за ним – понаблюдать. Наморщив от любопытства лоб, разглядывал бледные шрамы, исполосовавшие торс. Майлз оделся в свое попахивающее тряпье и поплелся обратно. Юный хозяин дома предложил ему единственный стул, на который Майлз радостно опустился.

Джин поставил кастрюльку с водой на обычный, хотя и изрядно затасканный аккумуляторный калорифер. Мальчишечье царство на крыше в основном состояло из хлама, подобранного на свалках. Хотя, надо заметить, небесполезное. Вода закипела быстро, и Джин положил в нее три куриных яйца – бесценное богатство.

– Коричневое отложила Твиг, – сообщил мальчик, – а Галли – два других. Свеженькие, ночные. А еще у меня есть соль!

Джин где-то пошуршал, достал пластиковые тарелки, бутыл с водой на двоих и полбуханки суховатого, но чрезвычайно вкусного хлеба. Затем парнишка сказал, доверительно и зачем-то полусшепотом:

– А знаете, яйца выходят у кур из задов.

– Знаю, – ответил Майлз совершенно серьезно. – Там, откуда я родом, тоже есть куры с Земли. И другие птицы.

Джин обрадовался.

– Хорошо, а то некоторые почему-то сердятся, когда об

этом узнают.

– Некоторые полагают, что Барраяр – примитивный мир. Мордашка Джина так и засияла.

– А там много животных?

– Да все, что обычно завозится с Земли, помимо собственной экосистемы. Хотя местные животные в основном небольшие, вроде жуков. Зато в морях водятся создания покрупнее.

– А рыбу там ловят?

– Только не в море. В искусственно заселенных озерах – да. Растения и животные Барраяра в основном ядовиты для человека.

Джин понимающе кивнул.

– А на этой планете нашлись только микроорганизмы на экваторе. От них, считается, и получился кислород. Это еще до последнего обледенения. Там, где сходят ледники, сразу сажают множество растений с Земли. Но вот животных маловато.

– Кибо-Даини мне очень напоминает Комарру, это вторая планета моей империи, – поведал Майлз. – Холодный мир, очень медленно заселяемый. А вот Зергияр, третий мир, тебе бы понравился. На нем богатая сложившаяся экосистема, множество изумительных животных. Во всяком случае, моя мама так рассказывает. Его колонизировали недавно, всего лишь в предыдущем поколении, поэтому ученые пока только исследуют флору и фауну.

Теперь Джин смотрел на Майлза уже с теплотой. Похоже, ему удалось вырасти в глазах мальчугана. Неужели в мире Джина столь редко взрослые, с которыми можно поговорить о чем-то интересном? Если, конечно, принять во внимание, что «интересно» – значит о животных.

– Кофеек у тебя, конечно же, не водится. Или, может, чай? – без особой надежды спросил Майлз.

Джин покачал головой:

– Зато у меня есть пара бутылочек «колы».

Он опять метнулся к полкам, вернувшись с парой ярких пластиковых бутылочек.

– Только они теплые...

Майлз взял одну, прищурившись, прочитал состав компонентов на этикетке – жуткая смесь дешевых ингредиентов и источников сахара – и не решился пить это до завтрака, пусть даже в составе имелся кофеин. «И когда же это вы стали столь разборчивым, уважаемый лорд Аудитор? Вернее, спросить себя надо было, и когда же это вы успели состариться?» Яйца, хлеб и вода и без того станут непростым испытанием для его расстроенного желудка. Он покачал головой – «спасибо, нет», и поставил бутылочку.

Яйца кипели. Майлз покрутил головой, разглядывая обстановку.

– Интересно тут у тебя. Ничего подобного я на Кибо до сих пор не видел.

Да уж конечно, такого не увидишь во время инсцениро-

ванных поездов под присмотром сотрудников криокорпораций.

– Много ли здесь живет народу?

Джин пожал плечами:

– Сотня. А может, две. Я не знаю. А вот Сьюз-сан точно знает.

Брови Майлза поползли на лоб.

– Немало!

Им, похоже, удастся держаться подальше от любопытных глаз. Что ж, целой армии бездомных приходится проявлять чудеса осмотрительности, чтобы не выдать себя.

– И как ты здесь очутился?

Вновь движение плечами.

– Просто нашел. Или нашелся. Местные собирали всякую всячину в парке, да и натолкнулись на меня. Я там спал. Ну, вот и подобрали.

Похоже на местную традицию.

– А родственники у тебя здесь есть?

– Нет.

Уж слишком короткий ответ для говорливого и одинокого ребенка.

– А вообще родственники есть?

– Папа умер. – Молчание. – Маму заморозили.

Большая разница, учитывая обычаи на этой планете.

– Братья, сестры?

– Маленькая сестренка. Живет где-то у *родственников*.

Последнее слово он почти выплюнул. Майлз воздержался от мимики, сохраняя молчание, давая мальчику возможность договорить.

– Я бы взял ее с собой, да она слишком мала, – продолжил мальчик, оправдываясь. – Да и вообще, она тогда и не понимала, что происходит.

– А что, собственно, э-э... происходило?

И опять движение плечами. Джин неожиданно подпрыгнул:

– Яйца сварились!

Так Джин – сирота? Или беспризорник? Или и то и другое? Майлз-то думал, на Кибо-Даини есть социальная служба охраны ребенка, как на всех технологически развитых планетах. Пусть даже не обязательно такая безжалостно-заботливая, как на Колонии Бета. Да-а... Джин – целый кладезь загадок, но, к сожалению, не самых важных на настоящий момент.

Горячие яйца выкатились на тарелку. Майлзу, конечно, досталось особое, коричневое. А еще у Майлза хватило ума не спорить по поводу двойной порции для гостя. Джин передал ему пакетик с солью, прихваченный из некоего заведения под названием «Кафе Аяко», они поровну разделили хлеб и воду.

– Восхитительно, – промычал Майлз с набитым ртом. – Свежее не бывает.

Джин гордо улыбался.

Майлз проглотил кусочек хлеба и забросил удочку:

– Так ты говоришь, здесь у кого-то есть комм? Как думаешь, мне дадут попользоваться?

– Есть у Сьюз-сан. Надо у нее попросить. Если, конечно, застать ее пораньше днем, пока она в настроении. – Затем без энтузиазма добавил: – Могу вас к ней отвести.

Может, мальчуган уже пожалел, что отвязал веревку?

– Я был бы тебе очень благодарен. Это так важно для меня.

В ответ – пожатие плечами, типа: «Ну и пожалуйста; сделаю вид, что меня это не касается». Джин словно уверовал в принцип: живое существо можно удержать рядом, только если привязать и кормить его, а не то убежит, и поминай как звали.

После завтрака Джин развел кипучую деятельность: мясные обрезки пошли на корм соколу, хлебные крошки – цыплятам; остальная еда была так же тщательно отсортирована и отправилась на корм крысам и обитателям террариумов. Мальчик вычистил клетки, промыл и наполнил свежей водой кюветы всем животным. Майлз безмолвно и восхищенно наблюдал за методичной и тщательной работой, хотя было видно, что Джин всеми силами старается затянуть их совместное пребывание на крыше. В конце концов, чувствуя себя окрепшим и забыв о головокружении, гость осторожно последовал за своим поводырем вниз по лестнице.

Глава третья

Майлз покорно плелся за Джинном. Позади остались стальные двери, лестница, ведущая в неудобный, мрачный коридор, туннели с трубами и проводами. Наконец они попали в другой корпус. Неуловимые запахи и звуки, нормальное освещение указывали на то, что здесь живут. Подтвержденный догадке ждать не пришлось – повернув за угол, они вышли в помещение, служившее некогда столовой или кухней для персонала. Здесь болталось с полдюжины человек. Кто-то готовил, кто-то жевал. Все настороженно и безмолвно наблюдали за вошедшей парочкой, и только молодая женщина, трудившаяся у здорового миксера, увидев Джина, махнула ему приветственно большущей ложкой и пригласила к завтраку. Джин остановился было нерешительно, втянув носом аромат выпечки, улыбнулся и покачал головой.

– Позже, Ако, у меня гость.

Майлз все глазел на нее через плечо, а Джин упорно тащил его вперед.

Поднявшись на два лестничных пролета, они двинулись по коридору вдоль бесконечного ряда дверей. Похоже, раньше здесь было офисное помещение. Теперь – жилое. С улицы сквозь открытые двери просачивался свет. В комнатах лежали груды – аккуратные и не очень – разного добра, какие собирают лишь те, кому в этой жизни мало что светит. Обита-

тели апартаментов в основном дремали на одеялах прямо на полу, либо потихоньку копошились, занятые своими заботами. Майлза тоже не обошли подозрительным вниманием. Публика встречалась разношерстная, однако стариков было невероятно много. Может, все, кто помоложе, как, например, повариха Ако, были где-то при деле?

Сюда явно проведены и вода, и электричество, так что жить можно вполне прилично, пусть даже без такой роскоши, как действующий лифт. Никаких тебе ведер в качестве унитазов, никто не мочится на лестничных площадках, да и костров в мусорницах или ваннах что-то не видать. Так откуда же они получают энергию, куда подключен водоотвод? Неужели коммунальные услуги оплачиваются? Или они потихому сделали «врезку» в городские коммуникации? Ответы на эти вопросы могут оказаться весьма интересными, вот только нет времени сейчас их задавать.

На следующем этаже – другой коридор, покороче. Джин остановился у крайней двери и забарабанил по ней. Выждав немного, привалился плечом к косяку и наотмашь замолотил по двери ногой.

– Да слышу, слышу я, – раздалось ворчание из-за двери. – Нечего так надрываться.

Дверь приоткрылась. Лишь немногим выше его собственных глаз хмурилось некое лицо, изборожденное шрамами.

– Это еще кто? – раздался требовательный, грубый и неприветливый голос. – А, это ты, Джин? Ты зачем сюда чу-

жака привел?

– Мы с Йани подобрали его вчера на улице, – ответил Джин. – Он потерялся.

Налитые кровью глаза нехорошо прищурились.

– Так это наркоман, про которого рассказывал Йани?

Майлз прокашлялся. Ох, как мешала ему сейчас щетина, придававшая лицу исключительно пиратский вид.

– Я находился под влиянием наркотических средств, мэм, но я вовсе не наркоман. Со мной случился приступ аллергии на некий лекарственный препарат. А пока я был в полубес-сознательном состоянии, меня ограбили. В Криосоты попал совершенно случайно. Довольно долго оттуда выбирался.

– Вы не местный.

– Нет, мэм.

Тут Джин решил перехватить инициативу:

– Ему нужен твой комм, Сюз-сан.

Взгляд стал еще более сердитым.

– Вызов не работает. Я могу только принимать сигнал.

Мало похоже на правду, подумал Майлз, но для начала можно согласиться и на такие условия. Ясно, что для Сюз он здесь – нежеланный гость. Разве можно верить чужакам? А в таком полулегальном сообществе Чужак-Который-Слишком-Много-Видел запросто может плохо кончить. Никаких громил-вышибал поблизости не было видно, но только ли силой можно убить? Сойдет и хитрость.

– Мне бы взглянуть, что сегодня в новостях, мэм. Пока я

разлучен с бумажником и документами, вынужден отдаваться на милость незнакомцев.

– И много ли милости проявляют к чужакам в ваших родных краях? – фыркнула Сюз.

– Мне всегда хватало. – Не меньше дюжины раз Майлзу спасали жизнь едва знакомые люди. – И, думаю, моя святая обязанность – впоследствии не остаться в долгу.

– Ага, – ответила Сюз.

– Он понравился и Джинни, и Лаки, – торжественно и выразительно заявил, снова вклиниваясь в разговор, маленький помощник.

Не без ехидства тонкие губы ответили:

– А, ну это другое дело! Если уж крыса согласна с кошкой, то кто я вообще такая, чтобы спорить?

Еще мгновение, и дверь распахнулась. Джин заботливо провел Майлза в комнату.

Определить возраст Сюз было непросто. Так выглядят люди и изрядно потрепанных восьмидесяти лет, и хорошо сохранившейся сотни. Несомненно, подумал Майлз, пару десятков лет назад она была на голову выше. Сейчас и на высокой подошве она не будет выше полутора метров ростом. Вместо каблучков на ногах красовались пластиковые шлепанцы, сухо бьющие по старческой стопе в такт шагам. На голове – упрямые седые кудри. Могла бы выглядеть моложе, если б улыбалась, однако вокруг плотно сжатых губ навсегда залегли глубокие морщины. Мешковатые штаны, майка и ру-

баха поверх относились к разным эпохам, но цвета они были черного, черного и черного, так что нельзя сказать, что не гармонировали.

Апартаменты хозяйки занимали две комнаты. Передняя, набитая до отказа всяким хламом, подобный которому Майлз наблюдал и внизу, вполне возможно была некогда уютном секретарши. А вот вторая комната, просторная и угловая, с окнами на обеих стенах, явно выполняла обязанности начальственного офиса. Смятое одеяло у внутренней стены, стол, стул и – Майлз не мог не заметить! – комм стояли у противоположной стены. На выдавшем виды столе – кувшин, раковина, мокрые полотенца и легкий запах мыла, едва скрывающий, что это – комната пожилой женщины. В высоком шкафу с плотно закрытыми дверцами могло храниться все что угодно. Пара вращающихся стульев, диванчик с разодранной обивкой да два кресла – потрепанная офисная мебель словно говорила: хозяйка не такая уж и затворница.

Сюз жестом пригласила его к комму:

– Работает.

– Спасибо, мэ, – ответил он, скользнув к стулу. Сюз и Джин глазели на экран через его плечо. Майлз быстро нашел местные новостные каналы. Он выбрал межпланетный стандартный английский из примерно дюжины предлагаемых местных языковых каналов, половину из которых и опознать-то не смог. Хотя барраярского русского среди них наверняка не было. Оно и к лучшему, вдруг потребуется тайно

побеседовать со своим телохранителем? Если, конечно, Роик жив.

Как он и ожидал, события, произошедшие вчера утром на конференции, освещались во всех новостях. Новостной комментарий, как обычно поверхностный, почти ничего не прояснил, зато сопроводительные программы оказались полезными: полный список жертв похищения с фотографиями и просьбами местных властей к гражданам поделиться информацией. В списке похищенных значились не только Роик и Майлз, но и, к несчастью, доктор Дюрона. Две разные экстремистские организации, о которых Майлз раньше и не слышивал (значит, доклады службы безопасности по Кибо-Даини и гроша ломанного не стоили) брали на себя ответственность (или вину) за организацию похищений.

– Это же вы! – восхитился Джин, указывая на лицо Майлза на головиде. «Не самый лучший мой портрет», – подумал Майлз. Что ж, хотя бы можно узнать. Однако нужно ли ему это сейчас? А тут еще Джин продолжал: – Майлз Фор... ка... сйган!

– Фор-кб-сйган, – машинально поправил Майлз.

– Значит, вы вляпались в эту идиотскую историю? – спросила Сьюз. – Так вы с другой планеты?

Не сказать, что она не в курсе событий. Джин вот совсем ничего не знал, а она... Интересно.

– Похитители, похоже, специально отбирали делегатов с других планет. Мы как раз собрались в фойе, готовились

к экскурсии. Поездка значилась в программе, а программу рассылали всем, так что о внутреннем заговоре в корпорации речи не идет.

– Вы говорили, вас ограбили.

– Так и было, отняли все, даже обувь. Но с транквилизатором, который мне впрыснули по дороге, похитители ошиблись. Он меня вовсе не превратил в овощ. Напротив, я от такого препарата завожусь. Вот и вырвался.

– А почему вы сразу же не вернулись в отель?

– Потому что у меня начались галлюцинации. Думаю, часов десять подряд.

Сьюз разглядывала его очень и очень подозрительно. Майлз надеялся, что его рассказ был слишком идиотским для выдумки.

Захвачено девять делегатов, вернее, восемь, за вычетом его самого; правда, похитители не сообщали, что один из заложников потерян. Консульство Барраяра здесь совсем крошечное, хотя о его пропаже наверняка уже сообщили. Правда, до дома это сообщение дойти пока не могло. *Проклятие!* У адмирала Майлза Нейсмита, солдата удачи, никогда и не было ни дома, ни семьи. У лорда Аудитора Майлза Форкосигана – были. И ему нельзя скрываться. С другой стороны, какие *невероятные* возможности приобретаешь, когда на время становишься невидимкой...

Где-то в глубине сознания зашевелились давно забытые инстинкты тайного агента, только вот Майлзу и самому по-

ка не ясно было, стоит ли их будить. Можно отправиться на улицу прямо сейчас, зайти в любой магазин или ресторан, и рано или поздно кто-нибудь обязательно даст ему воспользоваться коммом. И придут помощь и спасение. Конечно, вызов пойдет не по зашифрованным каналам, он будет открыт для любого, кто ищет Майлза. И это могут оказаться не только власти. Тем не менее если б эти самые власти, или, скажем, те, кто за ними стоит, не выдали своих намерений позавчерашним вечером, он не задумываясь воспользовался бы коммом. Теперь Майлз не спешил.

Сюз подтянула один из офисных стульев и плюхнулась на него. Она наблюдала, а Майлз читал. Джину это все быстро наскучило, мальчик переминался с ноги на ногу, пока гость сосредоточенно пробежал глазами по экрану, забитому большей частью бесполезной информацией.

– Сюз-сан, может, я пока принесу вам булочек с корицей? Ако их только что из печи достала.

– А кофе там есть? – сразу же оживился Майлз. – Можешь мне кофе принести? Черный?

Джин сморщил носик:

– И как только люди пьют такую гадость?

– Это вкус, который приобретаешь с возрастом. Как, например, интерес к девочкам.

У Сюз что-то булькнуло в горле – может, то был смех, а может, просто сдавленный кашель.

Джин снова поморщился, но, кивнув как-то странно, всем

телом, потрусил на кухню.

– Два кофе! – бросила Сьюз ему в след.

Мальчик махнул рукой в ответ: принято, мол, – и сиганул за дверь.

Майлз глянул ему вслед, повернувшись на стуле. Ребенок был уже далеко.

– Хороший парнишка.

– Угу.

– Хорошо, что вы его подобрали, присматриваете. Чей он? – «Давай, наводи мосты, лорд Аудитор». – Мне он рассказал, что отец умер, а мама – заморожена. Значит, некоторым образом он – сирота. Полагаю, мать его должна быть слишком молодой для долгосрочной криопродуры. Обычно в юном возрасте крионику используют только как крайнюю меру, чтоб человек в анабиозе дождался, когда его вылечат.

Как некогда случилось и с Майлзом. Правда, добавить: «Знаю по собственному горькому опыту» – он не мог. Ибо, несмотря на все несовершенство этой операции, жизнью он был обязан только криопродуре. Ну и милости чужаков, не стоит забывать о ней. Мало кому в этом мире группа Дюрона были не чужаками.

Сьюз опять фыркнула, на сей раз вроде бы одобрительно. Продолжая изучать незнакомца, она, похоже, пришла к каким-то умозаключениям в его пользу, поэтому ответила:

– Отец Джина погиб на стройке. У него не было ни крио-

контракта, ни криостраховки, поэтому и в заморозке ему сразу отказали. Ну а потом уже было поздно. Хотя, полагаю, события развивались все равно слишком быстро, чтобы успеть что-то сделать.

Майлз кивнул. Криопроцедура может быть либо неотложной, либо бесполезной. «Действовать надо живенько, а не то будешь мертвенький», скаламбурилось ему. Что толку оживать тело, если мозг уже погиб? Проще клонировать жертву и начать жизнь заново.

– Мать Джина после этого немного свихнулась. Начала общественную кампанию: мол, криостаз должен стать всеобщим правом. И ко всему еще накинулась на этих гробокопателей из криокорпораций. Мало-помалу стала видной общественной фигурой несколько лет назад. Судебные тяжбы, организация протестов. А потом один из ее сподвижников слетел с катушек, напал на кого-то там. Кто на самом деле был виноват, так и не узнали, хотя у меня есть свои подозрения. А ее арестовали. Попытались было объявить душевнобольной, правда, не по статье в отношении совершенного преступления – там требования к медосмотру посложнее. Во время подвернулась добрая душа, да и предложи суду спонсорскую помощь по криостазу до тех пор, пока не найдут лечение от болезни.

Майлз стиснул зубы.

– Чтобы, так сказать, остыла, да?

– Хорошо сказано.

– А что, родственники промолчали? Хоть кто-нибудь возмутился?

– Соратники не выдержали судебных издержек, для них все закончилось расколом. Родственникам она и без того уже порядком надоела, ходили под страхом потерять работу, знаете ли. Думаю, они даже обрадовались, когда ей заткнули рот. – Сьюз внимательно наблюдала за его реакцией. – Вас все это, похоже, не особенно-то и шокирует.

– Видал я разные миры, и людей повидал немало. Сталкивался с очень непохожими системами, и пострашнее вашей. Например, на Архипелаге Джексона правят группировки военных диктаторов, которых поддерживают прихвостни-головорезы. Но есть в их насквозь коррумпированной политической системе какая-то подкупающая искренность. Им даже не надо выдавать зло за добро, прежде чем впарить его своим избирателям.

– Так я вам скажу, юноша: одна из грязных тайн демократии в том, что даже если у тебя есть право голоса, у тебя может не быть права выбора. – Она тяжело вздохнула. – Еще двадцать – тридцать лет назад здесь все было не так уж плохо. Избирательные голоса бесчисленных сотен криокорпораций уравнивали друг друга, а затем вдруг некоторые из них стали разрастаться и поглощать остальных. И не потому, что так было надо Кибо, или замороженным клиентам, или кому-нибудь еще, кроме взбесившихся с жиру топ-менеджеров криокорпораций. Они пожирали друг друга просто по-

тому, что могли. Сейчас осталось лишь с полдюжины больших корпораций, наложивших лапу на все вокруг, да горстка независимых и несгибаемых. Впрочем, они уже ничего не решают.

– Джин называл вас «секретарь Сьюз». Секретарь чего?

Морщинистое лицо, так оживившееся было в гневе, снова превратилось в застывшую маску.

– Все это, – она обвела рукой вокруг, – было некогда небольшой семейной корпорацией. Я работала исполнительным секретарем у нашего председателя. Потом нас выкупили – прожевали и выплюнули. Покупателю мы были не нужны, скорее нас просто хотели уничтожить.

– А кто выкупил? Случаем, не «Белая Хризантема»?

Сьюз покачала головой:

– Нет, «Шинкава Перпетуум». А потом и они пострадали, как раз от «Белой Хризантемы». – По кривой усмешке было ясно: величайшая справедливость восторжествовала, хотя и с опозданием.

– И в конце концов вы заползли в раковину, как рак-отшельник?..

– Мало кому удалось сохранить работу, знаете ли. И простым сотрудникам никто не принес выходное пособие на блюдечке с золотой каемочкой. Куда-то надо было деваться. – Она помолчала. – Остальные подтянулись позже.

– Так, значит, исполнительный секретарь? Тогда кому, как не вам, знать, где покоятся все тела?

Она бросила в его сторону взгляд – уж не испуганный ли? Быть не может, чтоб эта тертая ведьма... Но Майлзу не удалось развить тему – Джин влетел в комнату с подносом в руках. На подносе, кроме обещанных булочек, благоухающих корицей, да картонки молока с двумя неодинаковыми чашками, возвышался полный термокофейник. Майлз, упиваясь собственной выдержкой и силой воли, не набросился на возделенное питье как очумелый, а дождался, пока хозяйка нальет ему.

Та заставила Майлза поволноваться в нетерпении, про шаркав к высокому комоду и вернувшись с квадратной стеклянной бутылочкой без этикетки. Налила себе. Должно быть, выпивка, решил Майлз. Подумав, Сюз подняла брови, глянула на Майлза:

– Освежиться не желаете?

– Э-э... Нет, спасибо. Хватит с меня и кофе.

Напиток сам по себе бодрил достаточно, мчась по пищеводу освежающим потоком. Джин пристроился на втором вращающемся стуле, благодушно уминая булочки и так беззаботно, настырно и эгоистично поскрипывая сиденьем, что Сюз только молча поморщилась и хорошенько приложились к своему снадобью. Сердитое выражение вновь заняло место на ее лице. Интересно, чем это он ее так разозлил, когда уже было расположил к себе? Ясное дело, «секретарь Сюз» – не просто счастливая владелица чудом уцелевшего в этом бедламe коммa, но некий предводитель в высшей степени стран-

ного тайного сообщества.

– Джин отведет вас в «Кафе Аяко». – Она словно приняла внезапное решение. – Оттуда можно позвонить, и друзья вас заберут.

Джин так и подпрыгнул на стуле:

– Не-ет! Я ведь еще не показал ему, как Вихрь летает!

– Джин, ему нельзя тут оставаться.

Парнишка приуныл.

Ясно, что Майлз для Сьюз в качестве похищенного делегата конференции еще менее привлекателен, чем заблудившийся турист, который не прочь оттянуться с таблеткой. Что ж, попробуем зайти с другой стороны.

– На конференцию я приехал, чтобы узнать побольше о вашем законодательстве в отношении крионики и о состоянии самой крионики. Вместо этого мне пытались виртуозно подсунуть взятку в виде акций корпорации. А ведь многие делегаты после четырех дней этой показухи были готовы подписать контракты не сходя с места. Так что налет экстремистов оказался небесполезным. Мой работодатель прислал меня сюда с целью подготовить детальный отчет о состоянии вашей крионики. Однако, похоже, я чуть было не упустил из виду массу деталей.

– Тогда вам лучше не тратить время даром, да отправляться наверстывать упущенное, согласны?

«А ведь ты тоже еще та деталька. Деталь этой системы. Или целая загадка».

– Вообще-то поскольку конференция закончилась, я могу сам распоряжаться свободным временем. И почему бы мне не отдохнуть после вчерашних приключений, если Джин так желает? Хотя мне действительно надо доложить о себе кое-кому. Джин, если я скажу тебе, как туда добраться, ты не можешь бы отнести письмо от меня одному человеку?

Джин сразу встрепнулся:

– Конечно! Э-э... может быть. А куда?

– В восточную часть города.

– Э-э... м-м... смогу...

Майлз решил не уточнять, чего это мальчишка подает признаки неуверенности.

– А, кстати, в какой части мы сейчас находимся?

– В южной.

– Езжайте-ка вы сами, – встряла Сьюз. – Я дам денег на проезд. Только не возвращайтесь сюда.

– А когда в полиции меня начнут допрашивать, где я был, что мне им сказать?

Она помрачнела:

– Скажите, что потерялись.

– Сказал бы, однако что мне с того?

На сей раз она фыркнула как-то плотоядно:

– Будь у нас деньги на подкуп, что бы мы делали здесь?

– Вы неверно меня поняли, мэм. Мой интерес – информация. Хотя, знаете ли, вы уже вторая организация на Кибо, которая пытается меня подкупить. Это что, такая местная

традиция?

Она нервно пожевала губами:

– А кто был первым?

– «Белая Хризантема».

– Ух ты!

– Я тоже так подумал, и они поняли мою реакцию, только неправильно поняли. Если вам нужно что-то продать, хватит и маленького подарка. Если нужно утаить – не скупитесь на большой. Так они разожгли мое неумемное любопытство.

– Ну так вы приняли свой большой подарок, Форкосиган-сан?

Он не стал поправлять, говорить, что правильно будет «Форкосиган-сама» или даже «-доно». Она хотя бы фамилию правильно произнесла.

– На данном этапе развития отношений презрительный отказ может оказаться не только близоруким, но и потенциально опасным. Думаю, день-другой отдыха здесь помог бы мне оклематься.

– А как мне знать, что ваше «письмо другу» не принесет нам неприятностей?

– Не принесет, если мне будет так угодно. Я старше его по званию.

«Секретарь Сьюз» скривила губы:

– Да уж по апломбу видно.

Несомненно, в свое время Сьюз насмотрелась на чванливое начальство. Интересно, понимал ли ее шеф, что Сьюз

видит его насквозь?

Джин наблюдал за перепалкой, беспокойно поскрипывая стулом.

– Да отнесу я это письмо, Сюз! Я ведь совсем не против.

Майлз протянул Сюз открытую ладонь жестом не то мольбы, не то веского доказательства.

– Не спешите, подумайте. Терять вам нечего. Если что и было, то уже потеряно. – Он не стал добавлять: «Если только не пожелаете меня шлепнуть», – к чему внушать людям нездоровые идеи? – Зато можно заслужить мою благодарность.

– А какой мне интерес? Что я с того получу?

«Будь мы на Барраяре, ты бы знала ответ. Но мы, как многократно отмечал Роик, не на Барраяре».

– Что-нибудь придумаем.

Ее брови выдавали крайнюю степень недоверия. Сюз неожиданно набросилась на Джина.

– Разве не говорил тебе Йани оставить его там? Видишь, сколько неприятностей приносят добрые дела, Джин!

Майлз так и не понял, было то «да» или «нет». После очередного тяжелого вздоха Сюз продолжила:

– Отведи Форкосигана-сана в хранилище, там подыщите, чем писать и на чем.

Джин с готовностью спрыгнул со стула. Майлз поспешил поблагодарить хозяйку и последовал за мальчиком, пока Сюз не передумала.

Джин наблюдал, как Майлз-сан (мальчик решил называть его именно так, ведь настоящую фамилию вовек не произнести) просматривал полупустые коробки с писчей бумагой на полке в хранилище. На такой бумаге – с цветочками и прочей дребеденью – старушки обычно пишут всякие записки друг другу. И даже Джин вожделенно разглядывал один лист с изображением щеночков. Удивленно осмотрев ассортимент, гость сделал выбор, а потом принялся подыскивать пишущую ручку в коробке со всяким хламом. Найдя пару вполне пригодных, сунул их в карман и осмотрелся.

– Прямо как в лавке старьевщика. Или на чердаке в усадьбе Форкосиганов...

– Когда кто-нибудь приносит ненужные никому находки, их кладут сюда: вдруг кому пригодятся? – пояснил Джин. – Ну, или когда...

«Когда уходят в подвал, к Тенбери, и не возвращаются». Но этого он произнести не мог. Ему и знать-то такого не было положено.

Майлз-сан последил за взглядом мальчугана:

– Ура! Обувь!

Он захромал к наваленной куче обуви. Джин хвостиком потащился следом и принялся помогать изо всех сил. Ноги у чужака были даже меньше его собственных. Правда, Джин

приходил сюда за новой парой бот всего месяц назад, когда пальцы на ногах стали пробиваться сквозь старые ботинки, как весенние ростки сквозь почву. Навороченные дамские туфли не пользовались спросом даже среди местных женщин, поэтому и скапливались, однако Майлзу удалось наконец-то выудить пару подходящих спортивных туфель. То были туфельки с девчачьим узорчиком в цветочек, но Майлзу, похоже, было все равно: напялил да затянул шнурки.

– Так-то лучше! Вот и ходить можно.

Он продолжил поиски, разглядывая запасник.

– О! А вот и трости!

Подойдя к груде палок, наваленных в углу, гость принялся выбирать, откладывая в сторону тяжелые медицинские опорные трости с несколькими стойками на конце и слишком длинные трости. Отобранные он проверял, размахивая ими как мечом и колошматя об стену, так что Джин засомневался: может, ему вовсе и не опора нужна, а оружие? Решив, что все-таки первое, Джин провел гостя на крышу внутренним ходом – по пожарной лестнице и через дверь теплообменника.

Майлз-сан расположился за столом, заняв и стул, разложил бумагу и нахмурился с задумчивым видом. Затем склонился и принялся скрести ручкой по бумаге, время от времени останавливаясь поразмыслить. Джин успел почистить цыплячи коробка, пересчитать их жильцов, на случай, если кто опять вдруг нашел дорогу на парапет, причесать Лаки.

Наконец письмо было написано и запечатано. Майлз, прищурившись, огляделся.

– А нет ли у тебя чистого острого ножа? Или чего-то вроде иголки, может, спицы?

– Сейчас посмотрю.

Покопавшись, Джин извлек небольшой скальпель из некогда найденного полуразоренного набора и протянул Майлзу. Тот внимательно осмотрел лезвие, пожал плечами: мол, была не была, – и, к ужасу Джина, ткнул себя в большой палец острым лезвием. Выдавлив каплю крови, он сложил письмо и придавил пальцем клапан, оставив различимый отпечаток поперек линии склейки, обвел отпечаток ручкой и поставил рядом инициалы.

– Ух ты, вот это да! – выпалил Джин. – А зачем это?

– ДНК. Отпечаток пальца – ничуть не хуже дедушкиного кинжала с печаткой. Даже лучше. В его время анализ ДНК не проводили. Ты ведь понимаешь, что посольский атташе не кинется выполнять требования неизвестно чьей записки с улицы.

Далее Майлз проинструктировал Джина, как добраться до нужного места в восточной части города. Потом заставил мальчика все повторить. Результат, видимо, оказался удручающим: Майлз тяжело вздохнул и все-таки написал адрес на конверте.

– Надеюсь, ты так или иначе доберешься. И смотри, этот конверт не должен попасть ни в чьи руки, кроме лейтенанта

Йоханнеса или консула Форлинкина. Это очень личное сообщение.

Джин клятвенно заверил его, что так и будет, и принялся выгребать всю имевшуюся мелочь из копилки. Хватило на проезд в оба конца, но больше почти не осталось.

– Это все твои сбережения? – Майлз-сан подглядел через плечо. Джин молча кивнул. – Доставишь конверт, и тебя не обидят.

Джин не очень-то понял, что значит «не обидят», однако кивнул, принимая условия. В свою очередь он проинструктировал Майлза-сана, что делать, случись какая непредвиденная ситуация со зверинцем в его отсутствие. Тот ошалело поморгал глазами, но в отличие от Джина повторил все инструкции без запинки. Джин сунул письмо под рубаху, бросил печальный взгляд через плечо и двинулся вниз по лестнице.

В метро Джину пришлось поволноваться. Мальчик боялся, что за ним следят; однако никто не схватил его за руку, не потащил в участок. На большой пересадочной станции в центре города Джин почти совсем заблудился – все маршруты были незнакомы. Однако ему удалось подавить страх и не привлекать внимания, для этого пришлось лишь четко следовать картам на стенах. Кто знает, чего ожидать от доброхотов? Они столь же опасны, как и подозрительно настроенные граждане... В конце концов нашлись и нужная ветка, и нужная станция.

Затем шесть кварталов пешком, почти без поворотов, и вот он у цели. Вокруг не было аккуратных многоэтажек спальных районов, в которых он вырос. Вместо них за высокими садовыми оградами утопали в зелени невероятно роскошные особняки. У ворот некоторых из них висели надранные медные таблички посольств других планет. Посольство Эскобара производило особое впечатление своими размерами и вычурностью. Консульство Барраяра, на котором, к счастью, тоже висела табличка, проигрывало в сравнении. Небольшой в общем-то домик, достаточно близко от дороги, так что Джин не успел даже испугаться, подходя к нему. Никакой тебе охраны в форме. Металлическое ограждение выполняло скорее декоративную функцию. Джин легко мог его перепрыгнуть. Только зачем, если ворота и так открыты? Мальчик сглотнул и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл блондин, одетый по-простецки: рубаха да зеленые брюки на подтяжках. Весь какой-то помятый и уставший, заросший щетиной. На Джина глянул насупившись.

– Здесь нельзя попрошайничать! – не очень-то приветливо заявил он.

Акцент у него был такой же, как у Майлза-сана, раскатистый. Вот только оказалось, что не все барраярцы низкорослы, как со смятением осознал Джин. Этот был ну очень высоким.

– Простите, сэр. Я всего лишь посыльный. У меня пись-

мо для лейтенанта Йоханнеса или консула Фор... э-э... Форлинкина.

Из описания Майлза-сана выходило, что перед ним стоял именно лейтенант Йоханнес. Вот только где вы видели лейтенантов-привратников? А еще, сердясь, подумал Джин, Майлз-сан назвал его *милым парнишкой*, а не *жутким взрослым*. Хотя, с другой стороны, разве лейтенант может быть не взрослым?

– Йоханнес – это я.

Джин сунул руку под рубаху. «Милый парнишка» напрягся было, но успокоился, когда Джин вынул письмо.

– Это от Майлза-сана, в смысле, от господина Фор-косигана, – Джин постарался произнести без ошибок.

– *Вот черт!*

Джин аж вздрогнул от неожиданности. Лейтенант Йоханнес перепугал его еще больше, схватив за руку, втащив через порог и захлопнув дверь. Выхватив конверт, он осмотрел его на просвет, крикнул между делом «Стефин!» кому-то наверху и вскрыл.

Пробежав глазами по аккуратным плотным строчкам, выдохнул:

– Жив, слава тебе, Господи! Мы спасены!

По ступенькам с грохотом скатился второй взрослый, вроде постарше первого и даже еще выше. Ни дать ни взять нортбриджский бизнесмен – широкие самурайские шаровары, куртка-кимоно с широкими рукавами. Только вот курт-

ка болталась расстегнутой, да лицо у него было такое же помятое и усталое, как у лейтенанта.

– Что стряслось, Трев?

– Ты только посмотри! Письмо от лорда Форкосигана! Он на свободе!

Второй заглянул лейтенанту через плечо и повторил слово в слово:

– Слава тебе, Господи! Чего же он не позвонил, не сообщил нам? – А затем, через мгновение зарычал: – Что? *Что?!*

Лейтенант перевернул письмо, и они продолжили читать вместе.

– Он что, спятил?

Тот, что постарше, бросил на Джина прищуренный взгляд исподлобья. Все нехорошие предчувствия разом зашевелились в мальчишечьей душе. Как же он похож на полицейского!

– А это не подделка?! – грозно пророкотал старший.

Джин наклонился, поднял упавший конверт и молча протянул им. Сглотнул и выдавил:

– Он сказал, вы обратите внимание на отпечаток пальца.

Сказал, что это как печать его бабушки.

– Это что, *кровь*?

– Э-м... Ну да.

Старший передал конверт лейтенанту:

– Отнеси вниз и проверь.

– Есть, сэр.

Тре́в-сан исчез в дверном проеме в дальней стене комнаты. Через мгновение Джин услышал, как где-то хлопнула дверь и ноги забухали по ступеням.

– Простите, сэ́р, вы – консул? – Джин не очень ясно представлял себе, что такое «консул». Вроде это как «посол», только помладше. Что-то вроде этого домика. – Мне Майлз-сан строго наказал отдать письмо только лейтенанту или консулу Форлинкину.

На сей раз ему удалось произнести это имя не запнувшись. По мнению Джина, настоящий посол должен выглядеть потучнее и постарше. Этот – поджарый и помладше Майлза-сана, во всяком случае, в каштановых волосах не проступало седины.

– Форлинкин – это я. – Он не сводил с Джина голубых, словно раскаленное летнее небо, глаз. – Где ты встречался с лордом Аудитором Форкосиганом?

– Я-то? Да он в Криосотах потерялся – сам мне так сказал. Я его там вчера ночью и нашел.

– Как он себя чувствует?

Ответить было гораздо сложнее, чем задать такой вопрос, но Джин решил опустить подробности и просто сказать что-нибудь ободряющее:

– Сегодня с утра намного лучше. Я дал ему яиц.

Форлинкин поморгал. Потом снова посмотрел в бумагу.

– Не будь это письмо написано его собственной рукой, а я вижу, что оно написано его собственной рукой, я бы вколол

тебе суперпентотал, и тогда... гм... Ну так где ты его видел?

– М-м... Дома.

– А это где?

Вот ведь вляпался. И Сьюз нельзя подвести. А что скажешь незнакомцу? Ему сто раз говорили, во-первых, не разговаривать с незнакомцами, а во-вторых, никому не рассказывать о *доме*. Интересно, получится ли задать стрекача и выскочить отсюда прежде, чем консул его сцапает?

– Что? Э-э... Мой дом?

– Что... – К его удивлению, Форлинкин не продолжил вопрос, а вместо этого снова развернул письмо. – Что он там у вас делает?

– Э-э... Расспрашивает всех обо всем. – Джин задумался и вспомнил важный, как ему показалось, аргумент: – Он ведь больше не похищенный!

– Но зачем понадобилось посылать письмо с ребенком? – пробормотал Форлинкин.

Джин не понял, адресован ли вопрос ему, поэтому не стал предлагать ответа. Да и вряд ли то был подходящий момент объяснять, что вообще-то ему уже *почти двенадцать*. Где-то в сознании засвербело: чем меньше он скажет, тем целее будет.

Тот, другой – лейтенант Йоханнес, или Трев-сан, или как там его, – тяжело бухая ногами по полу влетел в холл. В руках он держал конверт.

– С конвертом порядок, сэр. Что дальше?

– Первым делом нужно найти его адъютанта. Он сам считает, что Роика тоже взяли. При всем уважении к местным, поиски не движутся. Думаю, придется в точности следовать инструкциям, – Форлинкин показал на письмо, – и послать голосообщение имперскому секретарю галактических дел на Комарру, срочно, особо секретно.

На лейтенантском лице появилась надежда.

– Может, получим приказ оттуда? Не такой приказ. Какой-нибудь понятный.

– На это уйдет несколько дней. И подумай, к кому им придется обращаться, чтобы отменить *этом*? – Тут они обменялись обеспокоенными взглядами. – Так что пока решения придется принимать самим.

Джин робко кашлянул:

– Майлз-сан сказал, что вы напишете ответ.

– Да, – ответил консул. – Жди здесь.

Он указал на хрупкий стульчик у стены, один из пары, стоявшей по бокам секретера с искусственными цветами и зеркалом над ним. Оба взрослых протопали вниз по лестнице.

Джин сел. Только твердо и деловито сказанное «да» помогло справиться со страхом и не сбежать, пока была возможность. Они явно с недоверием отнеслись к Джину. Зато, к счастью, письмо от Майлза-сана восприняли серьезно.

В одиночестве он просидел довольно долго. Один раз встал и заглянул в комнаты, двери которых выходили в холл. Одна из комнат была весьма причудливо обставленной го-

стиной. Другая выглядела аскетичнее, больше походила на рабочий кабинет. И нигде никаких животных – ни тебе птички в клетке, ни даже кошки. Джин очень скоро порадовался, что не отправился на более детальные поиски, потому как из глубины холла вдруг возник еще один человек и, удивленно разглядывая мальчика, спросил:

– Чем могу служить?

Ну наконец-то хоть один говорит с нормальным местным акцентом! Джин энергично помотал головой.

– Э-э... Лейтенант Йоханнес уже занимается... моим вопросом. Мной.

Джину удалось заправски произнести имя лейтенанта. Похоже, это весьма порадовало вновь прибывшего.

– А! – кивнул он, отправился в «кабинет», к комму, и занялся там какой-то работой.

Джин сел на стул и решил больше никуда не ходить.

Прошла целая уйма времени, когда наконец появился Форлинкин. В руках он держал другой запечатанный конверт, простой, значительно более увесистый, чем доставленный сюда Джином.

– А сможешь ли ты отдать этот конверт лорду Форкосигану? Лично в руки?

– Сюда же я как-то добрался.

Джин встал со стула.

– Сюда-то добрался...

Видно было, что консул сомневается, передавая конверт.

Джин затолкал конверт под рубаху и, не желая терять времени, дал ходу.

Ну ничегошеньки не понятно! Джин нерешительно оглянулся, выходя на улицу через железные ворота. Зато порадовался, что у Майлза-сана есть друзья. Ну, хотя бы такие.

Глава четвертая

Как только Джин скрылся за парашютом, Майлз отправился по знакомому уже маршруту в подвальное кафе, стараясь не заплутать в коридорах. Видимо, для обеда он выбрал слишком ранний час. В кафе почти никого не было, а значит, не было и подозрительных, любопытных глаз. Майлзу подумалось: в своих нынешних лохмотьях он привлекал значительно меньше внимания, чем если бы вошел сюда при полном параде и регалиях Имперского Аудитора, costume столь строгом, что по всей галактике, вне зависимости от вычурности местной моды, его серый цвет значил одно: «Перед вами – Особо Важная Птица». Ему сейчас гораздо сподручнее пришелся костюм «перед вами – Птица Без Определенного Места Жительства».

Обеденная зона, беспорядочно заставленная столами, отделялась от кухни длинной раздаточной консолью, над которой возвышались шкафы из нержавеющей стали. Обойдя консоль, Майлз обнаружил большой электрический самовар, а как известно, где самовар – там и чай! Рядом стояло пестрое собрание кружек, а над ними – «Вымой за собой чашку!», написанное от руки. Непонятно было, то ли у каждой чашки свой хозяин, то ли все здесь общее. Тем лучше, это давало ему повод завязать беседу с женщиной, то ли помощницей, то ли сегодняшней заменой Ако, которая помешивала пова-

решкой в десятилитровом чане с супом.

– Не позволите воспользоваться одной из чашек? – обратился к ней Майлз.

Та пожала плечами:

– Да, пожалуйста. Только не забудьте потом помыть. – Постучав рукояткой по краю кастрюли, женщина положила поварешку на стол. – Вы здесь новенький?

– Абсолютно.

– Правила у нас такие: готовь, что хочешь, мой за собой, ставь все на место, если есть деньги – поделись на закупку провизии. На холодильнике – график уборки, надо записаться.

– Спасибо. Мне бы сейчас только чайку... – Майлз глотнул из чашки. Чай оказался перезаваренным, дешевым, горьким. стакан такого чая замечательно поддержит и дух, и тело. – А вы давно... здесь?

– Я сюда бабушку привела. Уже недолго осталось.

Пока он размышлял, как бы «раскрутить» ее на пояснение этой интересной фразы, из-за консоли раздался знакомый ворчливый голос:

– Ну что там с супом, все еще не готов?

Высокий согбенный старик просунул голову в раздаточное окошко. Впечатляющих размеров седые усищи свисали, обрамляя недовольную мину, и шевелились, когда он двигал губами. А, знакомые тараканьи усы...

– Только через полчаса. Сядьте пока, посидите, – отозва-

лась она.

– По-моему, я его знаю, – тихонько сказал ей Майлз. – Зовут, кажется, Йани?

– Да, это он.

Йани прошаркал на кухню и нацедил чаю в кружку. Хмуро глянул на Майлза. Тот ответил радостной улыбкой.

– Доброе утро, Йани.

– А, протрезвел? Чудесно. Отправляйся домой.

Йани ухватился за кружку обеими трясущимися ручонками, по всей видимости, чтобы не расплескать, и прошаркал обратно к столу. Майлз неустрашимо ринулся вслед и уселся за столом напротив.

– Ты еще здесь? – спросил Йани.

– Жду своей очереди, так сказать.

– Мы все ее ждем.

– Джин говорит, вас разморозили. Неужели вас правда замораживали сто лет назад?

Подумать только, на Барраяре как раз подошел к концу Период Изоляции, началась новейшая история, а Йани проспал ее всю!

– Сдается мне, у вас не должно быть отбоя от желающих порасспросить.

Йани кисло-сладко хохотнул:

– Ничего подобного. Здесь все уже объелись рассказами таких, как я. Я тоже думал подзаработать, давая интервью журналистам, но нас здесь много, очень много. И никому мы

не нужны. Все такое дорогое. Город огромен. В мое время заселение новых территорий шло быстрее. Проклятие, я-то думал, терраформирование будет на полпути к полюсам. Политики безумствуют и все вокруг такие невоспитанные...

Майлз сидел и поддакивал. Еще в юности он усвоил и в совершенстве овладел одним важным умением: стариковские жалобы надо внимательно выслушивать, тогда смягчишь сердце говоруна. А Йани было достаточно одобрительного кивка головой, чтобы ринуться в критическое ниспровержение современного Кибо, мира, в котором ему нет места и в котором он никому не нужен. Некоторые высказывания со временем превратились в готовые, заученные тексты – было ясно, что Йани уже поднаторел в выплескивании своих идей на всякого, кто по неосторожности останавливался послушать. Нельзя, правда, сказать, что старик избалован слушателями – немногие новоприбывшие в кафе обходили его стороной. Слезящиеся старческие глаза оживились, когда он понял, что новая жертва вовсе не рвется убежать от брюзжания, подобно крысе, отгрызающей собственную ногу, чтобы выбраться из капкана. «Значит, статус наркомана временно позабыт», – обрадовано решил Майлз.

Йани все бормотал и бормотал, а Майлза уносили воспоминания о собственном деде. Генерал граф Петр Форкосиган, освободитель всей планеты, человек, который низвергал и возводил на трон императоров, творец той самой истории, которую Йани пропустил, обзавелся наследником лишь

в конце жизни, как и отец Майлза, так что между дедом и внуком легло скорее три поколения, а не два. Тем не менее оба по-своему любили друг друга. Как изменилась бы жизнь Майлза, будь граф Форкосиган заморожен, когда внуку было семнадцать, а не похоронен, как положено, в земле? Стало бы ожидание его возвращения подарком или постоянно вишащей над головой угрозой?

Старый генерал был подобен могучему дереву. Но ведь дерево не только дает защиту, оберегает от бурь и невзгод. Как изменилась бы судьба Барраяра, если б мощная фигура деда не пала, освобождая дорогу солнечному свету, позволяя новой поросли подниматься и расцветать? Что, если б не было для Барраяра иного пути, кроме как безжалостно уничтожить все старое, а не ждать, пока естественный круговорот поколений очистит путь всходам?

И тут до Майлза дошло, почему криокорпорации замораживают больше людей, чем размораживают. Возможно, дело тут не только в присвоении голосов избирателей и даже не в том, что медицина отстает и не может победить неотвратимую старость.

А Йани все ныл и ныл, и не было конца стенаниям о том, как его обманула криокорпорация, как его вернули к жизни не в расцвете сил, юным, богатым и известным. Монолог этот, вероятно, звучал и ранее, без слушателя. Теперь вот Майлзу посчастливилось узнать о судьбе Йани. Старик оказался в роли путешественника во времени, который покинул

свой день, да вот пункт назначения ему понравился ничуть не больше места отправления. Бедняга никак не хотел понять, что он сам не вписывается ни в прошлое, ни в настоящее – вот только пути назад ему точно нет. Так сколько же таких, как Йани, призраков прошлого, бродит по Кибо? Чай кончился, и Майлз, сославшись на это обстоятельство, схватил обе чашки и отправился за добавкой.

Ополаскивая свою и наполняя чашку Йани, Майлз полупрошепото поинтересовался у поварихи:

– А правда, что Йани не хотели размораживать?

Та лишь фыркнула.

– Осмелюсь предположить, он тут и сто лет назад никому не был нужен. Понятия не имею, с чего он решил, будто что-то изменилось?

– Уж это точно, – согласился Майлз, пряча улыбку.

Улыбка не укрылась от ее глаз, и повариха присмотрелась к нему повнимательнее.

– А вы не очень-то и старый. Вы, наверно, больны?

Майлз так и захлопал глазами.

– Неужели у меня настолько помятый вид?

– Я просто подумала, что вы здесь по *этой* причине.

– У меня есть одно хроническое заболевание, но я не люблю о нем распространяться.

И как она догадалась? Эпилепсия не проявляется внешне, это вам не проблемная кожа. И вновь Майлз почувствовал, что говорит с местными на разных языках, и вновь ему что-

то подсказали. Но вот *что*?

Он не успел развить мысль, повариха неожиданно развернулась и обратилась к кому-то:

– А, Тенбери-сан!

В помещение вошел ужасно волосатый человек в потрепанном комбинезоне и рубахе с закатанными рукавами. Головы всех присутствующих тут же повернулись к нему. Посетители кафе либо коротко кивали, либо приветствовали волосатого сдержанным взмахом руки. Он так же коротко и молчаливо отвечал на приветствия, проходя на кухню. Сунув пятерню в серо-бурые заросли на подбородке, почесался. Кивнув поварихе, протянул ей знакомый кофейник. Та приняла, ополоснула и наполнила его кофе.

– Ваш обед готов, Тенбери-сан, – бросила она через плечо. – Сумка в холодильнике.

Волосатый пробурчал что-то вроде «Спасибо!» и полез шебуршать во внутренностях здорового промышленного холодильника. Майлз заметил, что под зарослями волос скрывался человек вовсе не медвежьего телосложения. Был он скорее тощий и бледный. Вытащив матерчатую сумку, Тенбери-сан повернулся и уставился на Майлза.

– Новенький?

– Мы с Джином – приятели, – ответил он уклончиво.

«Вернее сказать, Джин меня подобрал на улице».

– Вот как? А где парнишка?

– Я дал ему кое-какое поручение.

– А-а. Давно пора приучать его к работе.

– В двести десятом течет кран, – вклинилась в разговор повариха.

– Понял. Захватчу инструменты после обеда, – ответил он, прихватил кофейник и утопал восвояси.

– Кто он? – спросил Майлз.

Повариха опять принялась помешивать варево.

– Тенбери, здешний смотритель.

Майлз смутно припомнил, что уже слышал здесь несколько раз о человеке с такой должностью. Интересно только, насколько «смотритель» соответствует своей работе? Может, так же, как и «секретарь» Сьюз? Все равно нужно выяснить, откуда питается аппаратура и куда уходит канализация, а значит, пора действовать. Не ждать же пояснений от Джина. Да и время не резиновое, он не сможет тут бесконечными исследованиями заниматься. В общем, ноги уже сами несли Майлза, решив за него, что делать.

Он поблагодарил повариху, отнес Йани полную кружку, побарабанив приветливо по скатерти: счастливо оставаться, мол, – и кинулся к выходу как раз вовремя, чтоб не потерять Тенбери из виду. Поношенные резиновые подошвы Майлзовой добычи несли его по коридору бесшумно, чему он страшно радовался. Заскрипели петли. Майлз метнулся за угол, там как раз закрывалась дверь, ведущая на другой лестничный пролет. Затаив дыхание, он двинулся вперед.

Лестница вела в такую тьму, что хоть глаз выколи. Что

же делать? На счастье, из мрака вырвались отблески света – Тенбери включил карманный фонарик. Ура, во всяком случае, «смотритель» – не оборотень, видящий в темноте. Четыре лестничных пролета, визг тяжелой открывающейся двери, и блики света исчезли. Майлз ускорил шаг, вытянул руки, нашарил дверную ручку. Осторожно приоткрыл дверь, боком протиснулся в щель, беззвучно прикрыл дверь за собой.

Свет фонарика прыгал где-то справа. Туда Майлз и отправился, думая о мистических блуждающих огоньках и беспечных путниках, что сгнули в болоте, зачарованно следуя за ними. Он шел и шел и вдруг заметил боковым зрением крошечные звездочки, словно пляшущие светлячки, отчего коридор еще больше стал похож на сказочную трясину. Поморгав, Майлз сообразил, что по обе стороны от него светят зеленым индикаторные лампочки, разбросанные в произвольном порядке вдоль стен. Система, дескать, функционирует нормально.

Содрогаясь от отвращения, Майлз протянул руку и ощупал столь знакомые теперь выступы близко посаженных криокамер. Вот только эти вовсе не были выключены и заброшены. Они прекрасно работали, во всяком случае, добрая половина деловито мигала лампочками. Хорошо изолированные люки камер хранили комнатную температуру на поверхности – можно было не бояться, что кожа примерзнет к кожуху, и Майлз замрет здесь, пойманный во внезапно

выросшую прозрачную сосульку-кокон. Подумав, он все же убрал руки подальше, двинулся по коридору, освещенному мерцанием огоньков... и замер – в конце коридора открылась еще одна дверь.

На глаза обрушился поток света из комнатухи, что, видимо, служила своему хозяину и жильем, и лабораторией. Свет нимбом разлился вокруг патлатой головы, которая, к счастью для Майлза, не повернулась. Дверь захлопнулась, и Майлз вновь утонул во мраке. Мало-помалу он стал видеть что-то в темноте, или, если можно так сказать, россыпь зеленых искорок помогла ему увидеть крошечную тьму. Он едва-едва различал мертвенно-бледные рукава рубахи.

Подведем итоги: ни насосов, ни трансформаторных щитов. Зато обнаружено кое-что получше – «тайна подземелья», рабочие криокамеры! Как много элементов головоломки стало на свои места!

Значит, Сюз со товарищи устроила здесь этакую тайную криокорпорацию. Нет, скорее криокооперативчик. И если он все правильно понял, вопросы лицензирования, налогов и инспекции в этом кооперативчике остро не стояли. Прямо-таки подполье, нигде не зарегистрированное предприятие.

Кибо-Даини – целая планета, одержимая одной страстью: обмануть смерть. И даже бездомные здесь могут наскрести пригоршню надежды на вечность.

Вопросы жизни и смерти? Приходится признать, что на

Кибо это ерунда, а не вопросы. Майлз разразился беззвучным смехом. «А я-то, дурень, думал, что всего в этой жизни повидал!» Черт возьми, и как только Сьюз это удалось! Ведь наверняка подкупила кого-то, чтоб втихаря сохранить от чужих глаз целое предприятие, пока здесь все расформировывали и разукомплектовывали, а клиентов «переселяли» в новый кичливо-элегантный «Криополь» в западной части города, под залитые светом пирамиды. Вот это история, да за такую и жизнь отдать не жалко!

«Выбирайте слова, милорд Аудитор!»

Менее трети криокамер в коридоре мигали зелеными светлячками. Интересно, сколько здесь таких коридоров? Достаточно места для новых клиентов. Одна мысль вела к другой: если повсюду криокамеры, считается ли здесь убийство преступлением? Беспроигрышная игра в прятки, одно живое тело, спрятанное среди сотен мертвецов. Воздух так быстро заканчивается в герметичном черном ящике, даже замораживать не надо. И никто не станет искать, пока не будет слишком поздно...

«Ну, мне-то не впервой».

Забавно, такой аргумент почему-то совсем не помог успокоиться.

Он шагнул к последней двери, поднял руку и... пальцы замерли над холодной металлической поверхностью. Майлз простоял так с минуту. В конце концов, сжав пальцы в кулак, он постучал.

Скрипнул стул. Дверь приоткрылась, высунулась волосатая физиономия:

– Да?

– Тенбери-сан?

– Просто Тенбери. Что вам нужно?

– Задать несколько вопросов, если можно.

Темно-карие глаза сузились под свисающими бровями.

– Вы уже поговорили со Сьюз?

– Да, Джин познакомил нас сегодня утром.

Тенбери задумчиво пожевал заросли вокруг губ.

– Что ж, тогда заходите.

Дверь распахнулась.

Майлз решил не исправлять пока ошибки Тенбери, ведь Сьюз вовсе не приглашала его в свое тайное сообщество. Не тратя времени даром, он скользнул в дверной проем.

Комната служила и офисом, и центром управления банком криокамер, и жилым помещением – во всяком случае, смятое одеяло на полу у стены и груды личного хлама намекали на то, что здесь живут. Дверь в стене напротив вела в некое подобие мастерской – Майлз заметил верстаки и инструментальные полки в полумраке комнаты. Одинокий стул подсказал, что Тенбери окажется еще менее гостеприимным, чем Сьюз, однако зритель вежливо показал гостю на стул, а сам прислонился к панели управления. Майлз предпочел бы поменяться с ним местами, чтобы не подвергать риску растяжения шейные мышцы, да и не позориться болтающи-

мися короткими ножками, не достающими до пола. Но нет, не стоит портить отказом завязавшийся контакт. Он уселся, посмотрел снизу вверх и вежливо улыбнулся.

Тенбери наклонил голову и один в один воспроизвел речь наблюдательной поварихи:

– Слишком молодо вы выглядите. К нам такие не приходят. Болезнь, или как?

Майлз повторил то, что уже однажды сработало:

– У меня неизлечимые приступы эпилепсии.

Тенбери кивнул, изобразив сострадание на лице. Ответил неожиданно:

– Вам бы лучше попробовать вернуться к врачам. Может, на других планетах помогут?

– Да был я у них. Недешевое удовольствие. – И вывернул карманы, словно хотел предъявить доказательства.

– А-а... И вот вы здесь. Без гроша остались, да?

– В некотором роде. Хотя все несколько сложнее.

Не то чтобы Майлз пытался переплюнуть по эффективности допрос под суперпентоталом, но врать напропалую этому человеку не очень-то хотелось.

– Ну конечно, так обычно и бывает.

– Не покажете ли на практике, во что я здесь ввязываюсь?

Если, конечно, останусь.

Лохматые брови подпрыгнули.

– Ну, ко мне-то у вас претензий не будет. Пойдемте, покажу «дэ – двести первую».

Тенбери провел его через свою то ли медицинскую лабораторию, то ли мастерскую. На верстаке россыпью лежали детали морозильной установки.

– Некоторые камеры можно сохранить в рабочем состоянии, только используя запчасти от других, – пояснил Тенбери.

Майлз, как и в беседе с Йани, угукал и поддакивал, выживая у Тенбери секреты профессионального мастерства. Когда он узнал о работе криокамер больше, чем хотелось, задал такой вопрос:

– А не закончатся ли запчасти в один прекрасный день?

– Не скоро. Здешние площади рассчитаны на двадцать тысяч клиентов. За двадцать лет мы загрузили лишь около десяти процентов. А начинали, так тут вообще пусто было. Так что хватит на многие десятки лет. На мой век уж точно хватит.

– А что потом? Кто будет размораживать?

– Мы об этом пока не думали. Разморозка – более сложный процесс.

Уж это точно.

– А кто проводит подготовительные работы?

– Мой криоассистент. Вы с ней обязательно встретитесь. Хороший специалист, к тому же обучает помощницу – Ако. Мне бы тоже не помешала парочка учеников.

Ничего удивительного, подумал Майлз. Неотложная криоподготовка – нехитрая медицинская процедура, кото-

рой он и сам овладел, во всяком случае, теоретически. Это обязательная часть военно-полевой медицины. А вот амбулаторные условия криоподготовки требуют гораздо больше знаний всяких тонкостей – от этого зависит посттравматический уровень криоамнезии у пациента, отсутствие или наличие побочных явлений. Чем меньше организм травмирован перед криопроцедурой, тем меньше придется заниматься снятием последствий травмы после разморозки. Однако добровольно пойти на заморозку, пока твой мозг в сознании, а легкие дышат... Хладнокровно, так сказать, отправиться во тьму...

– Даже думать об этом жутко, – сказал Майлз честно.

– Для большинства это все-таки крайняя мера, а вовсе не первая помощь. Хотя все мы к ней в конце концов прибежем. Кто в наше время согласится на смерть от тромбоза во сне? Проснуться еще тепленьким и уже гниющим? Уж лучше не тянуть, пока не станет поздно. – Тенбери скривил губы. – Хотя некоторые корпорации изо всех сил подталкивают людей к ранней криопроцедуре. Для них важно насыщение рынка. Хотя не думаю, что они на этом здорово выгадают.

– Да, подход у них какой-то грубоватый, в лоб, – согласился Майлз. То, что он услышал, повергало в изумление. – Чем больше клиентов сейчас, тем меньше будет потом. Недалековидная стратегия для такого далеко идущего предприятия.

– Ну да, за исключением тех, для кого это последний и единственный шанс.

Тут настал черед Майлза призадуматься.

– Ну не получится же у них на сто процентов насытить рынок, даже при таких обстоятельствах. Есть ведь и верующие, кто не приемлет крионику.

– Да, отказники есть.

– Отказники?

– Вы не здешний? Я по акценту понял, что не здешний, просто показалось, что на Кибо вы пробыли дольше. Ну, в смысле, раз уж до нас добрались.

– Да все как-то случайно произошло. Но я рад, что на вас натолкнулся.

Сначала «размороженные», теперь вот «отказники». Интересно, какие еще местные словечки «забыли» упомянуть организаторы туров из криокорпораций? Такие «термины» вряд ли нуждались в пояснениях: Майлз хорошо понял, что имел в виду смотритель. По мнению Тенбери, идеология тех немногих суеверных, что предпочитали заморозке обычные похороны, была бесперспективной. Майлзу припомнились группы фанатиков-сектантов, что давали обет безбрачия, а потому вымирали за пару поколений. Вернее, без поколений. Тут пришлось временно согласиться с Тенбери.

Затем Тенбери указал Майлзу на дальнюю дверь, вывел из мастерской и гостеприимно пригласил на осмотр другого коридора, к счастью, освещенного. Хотя и при свете трудно было понять, на что он больше похож: туннель сообщения космической станции или морг. Смотритель открыл од-

ну из пустующих, недавно отремонтированных криокамер, рассказал о ее технических характеристиках. Говорил он отстраненно, словно продавец подержанного транспорта о своем товаре.

– Как-то здесь... тесновато, – заметил Майлз.

– Над головой пространства почти нет, – согласился Тенбери, – но поверьте, когда вас сюда положат, привычки вскакивать по ночам уже не будет. Мне всегда было интересно, помнят ли люди хоть что-то о времени, проведенном в криокамере. Размороженные, с которыми я общался, говорят, ничего не помнят.

Люк камеры скользнул на место, Тенбери легонько шлепнул по кожуху, активируя замок.

– Просто засыпаешь, а потом просыпаешься в будущем, которое кто-то выбрал для тебя. И никаких снов, – задумчиво согласился Майлз. – Закрыв глаза и выключился. Включился, открыл глаза. Та же анестезия, только дольше.

Словно предварительный просмотр настоящей смерти по индивидуальному заказу. И не такой болезненный, мысленно признал Майлз, как «выключение» при помощи игольчатой гранаты, разрывающей легкие. Расставив пальцы, он приложил ладонь к лицевой панели камеры.

– А что случится со всеми этими замороженными беднягами – или замороженными бедняками, – если вас обнаружат власти?

В зарослях подбородка мелькнула безрадостная улыбка.

– Ну не могут же они просто дать нам растаять и сгнить, а потом похоронить нас. Это противозаконно.

– Это считается убийством?

– В некотором роде. Одной из разновидностей убийства.

Что ж, тогда у них здесь не совсем уж безнадежное предприятие, как Майлзу сперва показалось. Кто-то все же думал о будущем. Вопрос в том, насколько глубоко? В чьих руках может оказаться ответственность за эти «мерзлые души»? В руках нортбриджского муниципалитета? Или какого-нибудь безответственного предпринимателя, который купит собственность в счет погашения долгов по налогам и только потом узнает, *что* он купил? Да уж, смерть не обманешь.

– Хорошо, сейчас это противозаконно. А если закон изменится?

Тенбери пожал плечами:

– Тогда несколько тысяч человек скончаются без лишнего шума и боли. Они умрут с надеждой, не в отчаянии. И им будет все равно. – Подумав, он добавил: – Да и вообще, в таком уродливом мире лучше и не просыпаться.

– Да-а... Не думаю, что власти возьмут на себя все расходы и ответственность за разморозку людей только для того, чтобы дать им сразу же умереть. Выключился?.. Вот и не включайся!

В конце концов, это не самой плохой путь на тот свет, уж Майлз-то повидал всякого.

– Извините, мне нужно приниматься за работу. – Тенбери намекал, что гостю пора и честь знать. – Надеюсь, я помог вам определиться.

– Да-да, спасибо. – Майлз проследовал за Тенбери через мастерскую в первый коридор. – Мне тоже пора отправляться кормить Джинов зверинец. А то ведь я пообещал.

– Странный парнишка. Я некоторое время подумывал взять его себе учеником. Но он больше интересуется зверьем, чем техникой, – вздохнул Тенбери, и Майлз не понял, с каким чувством – то ли с сожалением, то ли просто удивленно.

– Э-э...

Майлз в нерешительности замер перед выходом в темный коридор.

– Первая дверь налево, – подсказал Тенбери и заботливо придержал дверь своего кабинета широко распахнутой, освещая Майлзу путь во мраке до самого выхода.

Дальше Майлзу помогли поручни лестницы и внимательный счет поворотов. Он выбрался в подвальный коридор у кафетерия, а оттуда уже поднялся наверх к Джину по внутренней лестнице.

На крыше его ждали солнечный свет и квохчущая стайка цыплят.

«Черт возьми, скорее бы уже мальчуган возвращался!»

В толчее большущей городской пересадочной станции

метро было так же сложно сориентироваться на обратном пути, как и по дороге в консульство. Второй раз свернув не туда, Джин заволновался. Ох, какие толпы народу кругом! А что же будет ближе к часу пик? Надо выбираться побыстрее. Наморщив лоб, мальчик покрутился на месте, выбрал направление и двинулся против потока вливающихся на станцию.

Интересно, что в толстенном конверте, который ему отдал этот, как его... конус? Кажется, так: конус Форлинкин? Конверт терся о кожу. Выйдя на ротонду второго уровня, он прислонился плечом к колонне и выудил письмо из-под рубашки. Хотя контрольной метки в виде кровавого следа пальца на конверте не было, послание, к вящему неудовольствию Джина, было запечатано. Не подглядеть... Грустно вздохнув, мальчик сунул конверт обратно под рубаху.

В конце концов он нашел нужный эскалатор и поднялся на два уровня в длинный переход верхнего уровня. Мальчуган очень беспокоился о своем зверье. Сможет ли Майлз-сан с ними управиться? Этих взрослых никогда не поймешь. То они делают вид, что относятся к тебе серьезно, то смеются за спиной надо всем, что тебе дорого. А еще, бывает, говорят что-то лишь потому, что ты еще маленький. Думают, что ты об этом скоро забудешь. Майлз-сан, похоже, искренне любил Джиновых крыс – Джинни он посадил на плечо и даже не отворачивался, когда та попробовала погрызть его волосы. Джин всегда готов был понять взрослых, которым не

нравятся крысы – не любят они почему-то этих гладких, забавных и дружелюбных тварей. А ведь крыса-то и не укусит, если ее не сжать случайно рукой. И разве можно ее винить за самозащиту?

Что-то вдруг сжало плечо Джина – он аж взвизгнул. Если бы мог, то и сам укусил бы руку на плече, но все, что ему удалось – немного вывернуться и посмотреть вверх. Прямо в лицо худшему из своих кошмаров.

Каштановые волосы, приятная улыбка, синяя форма муниципальной службы безопасности. Не служащая безопасности метро, у тех форма зеленая. Настоящая тетя из полиции, вроде тех, что забрали маму.

– Как тебя зовут, детка?

Голос звучал дружелюбно, но твердо.

– Джин... – промямлил он. Нет, так не пойдет. Все внутри переворачивалось от страха, когда он врал взрослым, но в этот раз мальчик переборол себя. – Джин э-э... Форксон.

Та нахмурилась.

– Это еще что за имя?

– Мой отец – с другой планеты. Он уже умер, – добавил Джин поспешно и, как ему показалось, предусмотрительно.

Почти даже и не соврал. Только вот теперь придется гнать от себя мысли о похоронах.

– А мама тебя отпускает одного в город? Сейчас время занятий в школе, знаешь ли.

– Э-э... Да. Она отправила меня сюда с поручением.

– Что ж, давай тогда позвоним ей.

В животе у Джина задрожало что-то ледяное, он показал запястья тощих ручонков.

– У меня нету комма, мэм.

– Ничего страшного, пройдем в участок и позвоним маме оттуда.

– Нет!

Изрядно напуганный, Джин попытался вывернуться. Однако каким-то образом вывернутой оказалась его рука за спиной. И больно вывернутой! Рубашка перекрутилась на талии, и с громким шлепком на пол приземлился конверт.

– Нет, не трогайте!

Он попытался сам наклониться за посланием. Не отпуская руки ребенка, женщина схватила конверт. Лицо ее становилось все озабоченнее.

– Дэн, код шесть. Первый уровень, – бросила она в свой комм.

Мгновение спустя появился второй полицейский.

– Ну, что у тебя тут, Митико? Поймала воришку у прилавка?

– Пока не знаю. Наверно, из школы сбежал. Этому молодому человеку надо пройти с нами в участок и позвонить маме. Заодно и личность установим.

– Ясно!

Вторая рука Джина попала в еще более крепкий хват. Таким беспомощным его и повели. Ох и дал бы он деру, да где

там: обе руки крепко сжаты.

Сквозь стеклянную стену помещения было видно всю ротонду. Внутри царила прохлада. Дверь закрылась, и наступила восхитительная тишина. Джин бы порадовался, но не в этих обстоятельствах. На множестве экранов, подключенных, как догадался Джин, к видеокамерам, по эскалаторам вверх и вниз передвигались люди. В шуме и сутолоке станции Джин не заметил никаких камер. Женщина толкнула его к вращающемуся стулу. Пятки усевшегося Джина не доставали до пола.

Здоровяк Дэн поднес к лицу мальчика световое перо.

– Посмотри на меня, парень.

Сканирование сетчатки? Красная вспышка. Джин зажмурился изо всей силы, а потом еще и закрыл лицо ладонями, но было поздно. Он услышал шаги Дэна, уносящего добычу к комм-пульту.

– Смотри, как он напуган, Дэн. – Сквозь пальцы Джин увидел, как женщина подняла конверт, сдвинула в руках и потрясла им, словно то была коробочка с подарком на день рождения. – Может, причина здесь?

На пульте что-то звякнуло.

– Тэ-экс... Похоже, на него что-то есть. Быстро нашлось.

Дэн посмотрел на беглеца и спросил:

– Тебя зовут Джин Сато?

– Нет!

– По нашим данным, парень уже год как в розыске.

Не отпуская руки Джина, женщина повернулась боком, чтобы взглянуть на головид.

– Боже праведный! Ну и обрадуется его семья, когда мальчика вернут домой!

– Никто там не обрадуется! Отпустите меня!

– И где же ты целый год прятался, сынок?

Вопрос Дэна прозвучал сочувственно.

– А что у нас *тут*? – Митико взвесила конверт в руке и нахмурилась.

– Это не ваше! Отдайте!

– Ну, так что там?

– Просто письмо. Очень... очень личное письмо. Мне его нужно доставить. Кое-кому.

Оба офицера заметно напряглись.

– Кому это «кое-кому»? – потребовала Митико.

– Просто... кое-кому.

– Другьям? Родственникам?

У Джина слово «родственник» не вызывало энтузиазма.

– Нет, мы только сегодня познакомились.

– Где вы познакомились?

Джин захлопнул рот.

– Ни адреса. Ни штемпеля. Не вижу причин, почему бы не заглянуть туда, – проговорил Дэн.

Женщина кивнула и передала ему конверт. Дэн вынул складной ножик и вскрыл конверт снизу, держа над столом. Из конверта вывалилась толстенная пачка денег, кружась,

упала записка.

Столько денег за один раз Джин в жизни не видел. Судя по широко распахнувшимся глазам, денег было так же больше, чем оба офицера привыкли видеть за один раз. В руках у мальчишки, конечно.

Дэн перелистал пачку и изумленно присвистнул.

– Как думаешь, цепочка наркоторговцев? – спросила Митико. – Контрабанда виртуальных снов?

– Вполне может быть... Черт возьми, это может быть все что угодно! Поздравляю, Митико. Не удивлюсь, если тебя повысят по службе.

Посмотрев на конверт с еще большим уважением, Дэн за-поздало вытянул из кармана пару полиэтиленовых перчаток и напялил их, прежде чем браться за записку. Это было послание, напечатанное на обрывке тонюсенькой бумаги.

Дэн прочел вслух:

– «Придется поверить, что вы знаете, что делаете. Пожалуйста, свяжитесь с нами *лично*, как только сможете». – Он повертел записку на просвет. – Ни адреса, ни даты, ни имен, ни подписи. Ни-че-го. О-очень подозрительно.

Микико склонилась и сурово посмотрела Джину в глаза.

– Где ты встретил этих негодяев, малыш?

– Никакие они не негодяи. Просто... люди. Друзья одного друга.

– Куда ты нес эти деньги?

– Да я не знал, что там деньги!

Микико подняла бровь.

– Ты ему веришь? – спросила она напарника.

– Ага, – ответил Дэн. – Иначе малый удрал бы с денежка-ми.

– Хороший аргумент.

– Не удрал бы! Даже если б знал!

– Джин, теперь тебе никто не будет угрожать, – мягко сказала Митико. – Теперь ты в безопасности.

– А мне никто и не угрожал! – Джин никогда в жизни не чувствовал себя таким беззащитным. И стоит ему распу-стить язык, как и Сьюз, и Ако, и Тенбери – все его друзья – тоже будут не «в безопасности». И Лаки, и крыски, и цып-лята... И прекрасный Вихрь...

Сжав губы, насколько хватило сил, Джин вызывающе уставился на офицеров.

– Звони в службу по делам молодежи, пусть забирают пар-ня, – сказала Митико. – Улики, полагаю, надо передать в по-лицию нравов.

– Угу, – согласился Дэн.

Рука в перчатке сунула Джинов драгоценный конверт, пачку наличности и записку в прозрачный полиэтиленовый пакет.

– Мои животные... – прошептал Джин.

Майлз-сан доверил ему такую простую работу, а он все провалил. Все, *все* провалил. Слезы потекли из-под сжатых век.

Со скрипом, хрустом и облачком пыли болт выскочил из бетонной плиты.

– Ну наконец-то, – выдохнул Роик.

Глава пятая

Прежде чем отважиться на осторожную вылазку, Роик дождался, когда сумерки сгустятся, а эхо шагов в коридоре затихнет надолго. Дверной замок не устоял перед грубой силой, вернее, хлипкий косяк разлетелся в щепки, освободив замок вместе с ответной частью. Шума было многовато, но любопытных не появилось. Пригнувшись, чтобы не светиться в окнах и лишь изредка позвякивая «украшением» в виде оков на лодыжке, Роик бесшумно ступал босыми ногами по доскам пола. Вскоре обнаружилось, что галерея, в которую он вышел, опоясывала прямоугольное здание с трех сторон. Оба конца ее вели к нисходящей лестнице. На этаже располагалось около дюжины номеров вроде его. Третьего этажа не было.

Еще одно здание, из окон которого тек бледно-золотистый свет, прилепилось на склоне холма справа. За ним, прикрытая деревьями, виднелась вроде бы парковка. Однако деталей было не разобрать, – охранное освещение отсутствовало, площадку надежно укрыли и от Роика, и от любого пролетающего над головой флаера. Впрочем, сейчас темнота была ему на руку. Обойдя здание, Роик прокрался к дальнему концу. Третье здание, а скорее невысокий навес, притулилось в густом мраке, где начинались заросли ровно стриженного кустарника. Интересно, не пожар ли тут поработал, чтоб рас

чистить кустам место от так плотно растущих сосен...

Внезапно прямо над головой кто-то прошипел:

– Роик! Я здесь, наверху!

Сердце оруженосца чуть было не остановилось от ужаса.

Запрокинув голову, он разглядел бледное пятно лица, торчащего над краем крыши. Длинная черная коса свесилась с плеча. За узнаванием пришло облегчение.

– Доктор Дюрона? Ворон? Вас тоже захватили?

– Тс-с!.. Не шумите! Нас доставили сюда одним транспортом. Вас – без сознания. Поднимайтесь сюда, пока не вернулась охрана.

Две тонкие руки свесились вниз – видимо, Дюрона лежал на животе.

– Только осторожно, не оторвите мне руки.

Чиркнув ногой по стене и лишь тихонько крякнув от натуги, Роик взлетел на плоскую крышу. Едва слышно шаркая ногами, чтобы охрана внизу не услышала топота, оба кое-как спрятались за вентиляционной трубой.

Ворон Дюрона мог сойти на Кибо-Даини за местного – стройная фигура, умное лицо евразийского типа, высокая переносица, черные как смоль волосы до талии. Правда, стоило доктору открыть рот, и далеко не местный акцент выдавал его с головой. Роик только одного его и знал из всех делегатов конференции – и неплохо знал, хотя Майлз по какой-то необъяснимой причине приказал представителю эскобарской Медицинской группы Дюрона держаться побли-

зости, но не рядом. Ворон понял указание, кивнул не поведя и бровью и с тех пор в точности следовал инструкции. Не мешая милорду, как впоследствии догадался Роик, выслеживать нужные цели.

Роик сел, скрестив ноги, эскобарский криохирург обхватил руками свои колени, и заговорщики придвинулись друг к другу.

Роик шепнул почти беззвучно:

– Охранников видел?

– Нет, но те, кто нас захватил, не дремлют. Они почти все время внизу, в столовой. Не шумят. Там у них комнаты отдыха. Иногда поднимаются сюда.

– Как ты выбрался из своего номера?

– Прооперировал замочек окна в ванной...

Такой побег возможен только для гибкого, как змея, Дюроны. Плечи Роика не пролезли бы в окошко.

– А цепи?

– Какие цепи? Тебя заковали, Роик? Надо же, особое отношение!

– А, ладно зубоскалить! Далеко ли отсюда до Нортбриджа? Дорогу заметил? И где мы, черт возьми, вообще?

– Думаю, в ста – ста пятидесяти километрах. Мне удалось разок выглянуть. Кругом, куда ни кинь – лес. Похоже, дорог вообще нет, добраться можно только по воздуху. Видимо, здесь когда-то раньше была база отдыха, туристы приезжали на выходные. Потом буря разрушила плотину, и озеро ушло

в реку. Судебные тяжбы помешали перестроить все по-быстрому, в результате турбаза закрыта уже пару лет. Насколько я понял, она принадлежит одному из наших похитителей. Должно быть, безумный план с заложниками родился у Организации освобождения именно по этой причине.

– Какого черта им... Стоп! А лорда Форкосигана видел? Ворон отрицательно покачал смоляной головой.

– По-моему, я видел, как его вязали там, в фойе... Когда меня схватили, ты швырял людей в гравишахту и орал, что им надо срочно удирать – готов поклясться, ты напугал кое-кого из делегатов конференции гораздо сильнее, чем террористы. Лорда Форкосигана я больше не видел. Тут, кроме нас, шесть других заложников. На ночь всех заперли. Похоже, ООН готовилась разместить здесь раза в три больше человек, однако не вышло. За это, полагаю, они на тебя сердиты.

– И сколько же здесь злодеев?

– Как по-барраярски сказано! Предположительно, около дюжины. Всех вместе я ни разу не видел. Издевались они над нами посменно.

– Что-о?

– Да так, лекции читали. О суровых и славных целях Организации освобождения Новой Надежды.

– А, такого добра и мне немного досталось.

– «Немного досталось»? Остальным пришлось терпеть «такое добро» часами. Нас приводили в столовую и промы-

вали мозги... Разглагольствовали до хрипоты...

– Чего это меня не пригласили?

– За репутацию «баррарярского варвара» – ух ты, попробуй сказать быстро шесть раз подряд! Тебя страшно спускать с цепи. Заковали, говоришь? Просто повезло, не попал на лекцию. Кажется, они пытались вызвать у нас «синдром заложников», но делали это весьма неумело. Старый добрый барон Риоваль слопал бы их с потрохами.

Роик только раз слышал, как клон-брат милорда, лорд Марк, цитировал покойного барона Риоваля. Что-то вроде: «А затем мы изучим интереснейшее явление: эффект фокусировки ужаса на *оставшийся* глаз». Роику не захотелось выяснять, удалось ли исследование. Роику захотелось отодвинуться подальше, хоть он и возвышался над лордом Марком на полметра. Зато Роик знал, что вся группа Дюрона, все тридцать пять или около того клонов, обладающих невероятным медицинским даром, все были обязаны лорду Марку и лорду Форкосигану и спасением из джексопианского техно-рабства, и новой, свободной жизнью. Причина, по которой Ворон говорил со специфическим акцентом, присущим всем Дюрона, – джексопианское прошлое и долгие десять лет жизни на Эскобаре. Причиной, по которой барона Риоваля звали «покойный барон Риоваль», был лорд Марк. Причина, по которой Роик и Ворон сидели вместе на одной крыше... пока оставалась неясной.

Ну, Ворона, допустим, пригласили на конференцию, что-

бы он проиллюстрировал методику вывода из криостаза после медицинской смерти от травм высокой степени тяжести. Милорд (да и Роик, поневоле) прослушал эту лекцию лишь три дня назад, после того как Ворон намекнул при случайной встрече в graviшахте, что милорда может заинтересовать описание очень сложного случая с пациентом С., который погиб от разрыва гранаты игольника в области груди. Как пояснил Ворон, обращаясь к аудитории, то был один из ранних и наиболее памятных ему, тогда еще совсем юному ассистенту, случаев. Да-а... Милорда собирали по кусочкам. Роик закрыл глаза. Ну а кроме этого?

– Ладно. А *зачем* эти идиоты читали вам лекции?

– Думаю, пытались доказать свою правоту. Делали то же, что и организаторы конференции в последние дни, только с обратным знаком. Ну и питание несравненно хуже.

– Их что, правительство притесняет? Или местные СМИ не дают о них информацию?

– Ничего подобного. У них даже есть свой сайт в общепланетной сети, на котором каждый может узнать все, что хочешь, об их взглядах. Но, похоже, они никому особо-то и не интересны. Поэтому обратились к силовым методам привлечения внимания. Только вот не учли, что грабитель с пушкой внимание привлечет, а *продавец* с пушкой – нет. Сегодня утром мы были в ужасе, а обернулось все такой нудятиной! – Ворон потер переносицу. – Все это обещает продлиться несколько дней. Вот я и решил бежать. Похоже, неудачно.

– Ну, раз уж мы оба забрались сюда...

– Да, но вокруг лес на сотню километров. Стоит свернуть не туда, и расстояние только увеличится. Даже если чаща не кишит какими-нибудь зубастыми хищниками, было бы совершеннейшим безумием ринуться во тьму без снаряжения и даже обуви. А весь транспорт на парковке аккуратненько заперт. Я только что проверил.

– Эх, жаль.

Ворон задумчиво окинул Роика взглядом.

– Один я вряд ли смог бы подкараулить кого-нибудь, чтобы захватить потом открытый флаер. Но если продумать засаду вместе...

Роик безропотно перевел это в «...если бы *ты* на них напал, я подбадривал бы тебя криками»...

Ворон сдвинул брови.

– Только вот эта шайка редко куда выходит. Заперлись и сидят себе, тише воды. Когда ты появился, я уже начал подумывать, а не вернуться ли к себе в номер, притвориться, что ничего не произошло, да и подождать более удобного случая.

– Не уверен, что у меня так получится, – ответил Роик, вспомнив разбитый дверной косяк своего номера. Он вытянул шею, всматриваясь в срез крыши третьего покрытого мраком строения. А вдруг во-он там действительно была раньше береговая линия? – А что там, в том здании?

– Понятия не имею. При мне туда никто не входил и не выходил.

– Я так прикинул, это ведь может быть лодочным домиком. Может, конечно, и мастерской – такому уединенному местечку наверняка требуется собственная мастерская. Но скорее всего это – лодочный домик.

Ворон глянул искоса на дно высохшего озера.

– Никогда не плавал на лодке. И сегодня не стоит начинать. А что касается инструментов... Как думаешь, удастся нам взломать флаер? Только вот потом все равно потребуются код разблокировки, чтоб запустить двигатель. Лом здесь не поможет. Если только садануть хозяина по голове?

– У милорда есть катера. Он держит их в одном местечке на озере в округе Форкосиганов, на Барраяре. Пара часов лету от столицы на флаере... – В голове у Роика закопошилась мыслишка. – Пойдем-ка взглянем, что там.

Ворон посмотрел на него непонимающе, но пожал плечами и согласился.

Они со всеми возможными предосторожностями сползли с крыши и на цыпочках спустились по дальней лестнице. Напрямик срезали под защиту тьмы в сени деревьев и обошли здание. Когда беглецы добрались до той стороны постройки, что некогда выходила на озеро, Роик полностью прочувствовал все прелести мелкого крошева из веток и осколков камешков под босыми ступнями. Пришлось согласиться с Вороном: долго по лесу не погуляешь.

Потерпев неудачу у небьющегося оконного стекла, Роик взялся за дверь с висячим замком. Та поддалась уже испро-

бованному в номере приему с плечом. Ворон вздрогнул от хруста ломающегося дерева. Оба замерли в тишине, прислушиваясь, но голосов не раздалось. Бочком пробрались внутрь.

Внешняя дверь открывалась в офисное помещение. Вторая дверь, к счастью, ждала их незапертой. Роик распахнул ее. Перед ними открылось что-то напоминающее гараж. Темнота – хоть глаз выколи. Пахло... вроде как лодками. Дерево, масло, трюмная вода, засохшие водоросли. Трудно с чем-то спутать. Запах радости, словно капля законсервированного лета. Когда глаза привыкли к темноте, Роик разглядел полдюжины предметов, напоминающих то ли каяки, то ли каноэ. Их корпуса свешивались с потолка. Пара более широких судов стояла на крепких опорах. У дальней стены комнаты пустовал верстак. Ворон направился было к нему, выставив руки вперед, опасаясь удариться головой о стропила или другие неразличимые в темноте предметы, но Роик шепотом позвал его обратно.

– Иди сюда. Помоги снять кожух с большой моторки.

– Роик, даже если мы вытащим ее за ворота, озера-то нет!

– Да и черт с ним! Меньше болтовни, помогай!

Лодка была метров пяти длиной и полдлины шириной. Гибкий пластиковый кожух защищал открытый кок. Снять крепления оказалось непросто. Роик стянул кожух и забрался внутрь. Ворон не без любопытства последовал за ним.

Нашарив панель управления под ветровым стеклом, Роик

затаил дыхание и открыл... Да! Это оказалась она, крышка видеозащиты. Только бы у комм оказалось свое питание, как и должно быть... Наконец пальцы Роика нашарили и щелкнули тумблером. Изумрудные и янтарные огоньки разогнали темноту по углам.

– Ух ты! – искренне восхитился Ворон. Восхищение? Что-то новенькое. Роик побаивался Дюрона. Всех Дюрона. – Ты заранее знал, что нас здесь ждет?

– Догадывался. Если здесь можно взять катер напрокат, то наверняка на катере есть средства спасения. Комм – стандартное оборудование для катера такого типа, равно как эхолот, навигационное снаряжение и так далее.

Найти канал для экстренной связи было несложно. Через несколько минут Роик уже говорил с полицией Нортбриджа. За годы службы он научился быстро и четко объясняться с властями, а навигационное оборудование катера давало точный ориентир для поиска. Он кратко изложил приключения – свои и Ворона – слегка изумленному, но очень обрадованному следователю нортбриджской полиции. Он-то и отвечал за расследование шумного, как догадался Роик по его тону, дела о похищении. Однако Роика весьма обеспокоило то, что лорда Форкосигана никто пока не обнаружил. Как только нортбриджская полиция вылетела на помощь, Роик выключил связь и расслабленно откинулся.

– А что теперь? – спросил Ворон.

– А теперь ждем.

– Спасателей? А не стоит ли нам подумать о других заложниках?

– Лучше залечь и не высовываться. Зачем поднимать шум самим, если нас еще некоторое время не хватятся? Пусть теперь парни с Кибо займутся своим делом. Надеюсь, они сначала зайдут к нам.

Роику вспомнились назидательные предупреждения милорда по поводу ответственности местных – вопрос, к которому сам милорд не очень-то серьезно относился.

Кстати, о местных... Роик наклонился вперед и нашел номер барраярского консульства в Нортбридже. К несчастью, в общем доступе был только телефон для общего доступа, а не безопасный канал экстренной связи, установленный на его наручном комме. Комм похитители выбросили скорее всего еще в городе по вполне понятной причине – боялись, что их выследят. Вежливый голос на автоответчике попросил его перезвонить в приемные часы или оставить сообщение. Фоном звучала запись популярного на Барраяре военного марша, отозвавшегося в душе Роика приступом тоски по родине. Он успел кратко пересказать половину своих приключений, когда, к его облегчению, на том конце раздался живой человеческий голос.

Роик тут же узнал лейтенанта Йоханнеса, молодого водителя, который вместе с самим консулом Форлинкином (потому как милорд все-таки был милордом) встретил их в космопорту неделю назад и отвез в отель, где и проходила кон-

ференция. Йоханнес был на все руки мастер – и военный аташе, и что-то вроде особиста, и, насколько Роик понял, повар, садовник и ординарец консула. В Йоханнесе Роик почувствовал коллегу.

– Оруженосец Роик! – Йоханнес говорил отрывисто и обеспокоенно. – Где вы? С вами все в порядке?

Роик принялся рассказывать сначала. На середине рассказа к лицу Йоханнеса на экране комма добавилось напряженное лицо консула Форлинкина.

– Если вы свяжетесь с нортбриджской полицией со своей стороны, то очень скоро будете знать все, что знаем мы, – закончил Роик.

– Лорд Аудитор Форкосиган не с вами, я правильно понял? – спросил Форлинкин.

– Мы его здесь не видели. А в городе он не объявлялся?

Продолжительное молчание.

– Мы не уверены.

Как это прикажете понимать?

– Когда освободитесь, вам немедленно надлежит прибыть в консульство, – продолжил Форлинкин. – Следует ли мне отрядить Йоханнеса для связи с полицией?

Роик почесал затылок.

– Раз уж милорда здесь нет, то нечего так уж паниковать из-за нас. Я вернусь в город вместе со всеми.

– А как же я? – спросил Ворон, то ли с негодованием, то ли с изумлением.

– Это еще кто? – сурово осведомился Форлинкин.

– Доктор Дюрона, наш знакомый с Эскобара. Один из делегатов, – доложил Роик.

Ворон тут же наклонился вперед, к зоне действия сенсора комма, и дружелюбно улыбнулся. В ответ Форлинкин нахмурился.

– Милорд наверняка захочет, чтобы доктор был... – «в безопасности» прозвучало бы как-то преждевременно, – ... со мной, – объяснил Роик.

Форлинкин проговорил словно ни к кому и не обращаясь:

– Если бы мы знали, чего еще от вас ожидать, мы могли бы качественнее оказывать вам поддержку.

Легкая горечь в голосе консула была Роику как манна небесная. Форлинкин говорил так, будто совсем недавно действительно сталкивался с милордом, о чем сейчас страшился рассказывать по незащищенному от прослушивания каналу.

– Так точно, сэр, – ответил Роик успокаивающим голосом.

И отключил комм.

– А что теперь? – опять спросил Ворон. – Просто сидеть вот так и ждать воя сирен?

– Лучше б обошлось без сирен, – ответил Роик. – Лучше б они высадились и сначала освободили заложников, а уж потом – шумели.

Он, во всяком случае, предложил бы такой план.

После долгого молчания Ворон проговорил:

– Не похоже, что они собирались нас убить. По-моему, просто хотели переманить на свою сторону.

– От страха людям всякое кажется.

Ворон вздохнул:

– Можно ведь и не быть таким занудой, Роик.

Придвинувшись ближе к индикаторам панели, словно к крошечному костру во тьме, они ждали.

Майлз погромел тяжелыми, кованого чугуна воротами консульства. Те оказались заперты. Он устало посмотрел поверх ограды. В глубине изящного садика притулился невзрачного вида домишко, не идущий ни в какое сравнение с величественными особняками по соседству. Что ж, по крайней мере выглядит ухоженным. Наверное, в прошлом это был домик для слуг. Кибо-Даини никогда не рассматривалась стратегически важной для империи планетой, чтобы впустую тратиться на посольство. Планетная система находилась в нуль-тупике на окраинах Эскобара, весьма далеко от сферы интересов Барраяра. Консульство существовало в основном для того, чтобы облегчить проведение торговых операций Барраяра, или скорее даже Комарры, через местные законодательные препоны. А еще, чтобы вспомоществовать субъектам империи, случись тем вляпаться в неприятности на Кибо. Ну, или чтобы проверять на благонадежность да готовить к «правильному» восприятию еще более редких путешественников с Кибо, собирающихся посетить

империю. Прибытие Майлза стало, пожалуй, самым знаменательным событием в консульстве за много-много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.